

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Адельбаева Н.А. Специфика и условия зарождения системы образования в Букеевском ханстве 3
- Петров П.Н., Ускенбай К.З. Вопросы исламизации улуса Джучидов и вероисповедание хана Токты (690/1291 – 712/1312–1313 гг.) 10
- Сабитов Ж.М. О численности монгольской армии в Западном походе (1235-1242 гг.) 55
- Тлеужанова С.И., Зарипова Л.В. Организация научно-исследовательской деятельности учащихся старших классов 74
- Ягинский А.М. «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет!» 80

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Сүйіншәліев Х. Академик Ә.Х. Марғұлан бастаулары 104
- Кокуркина О.В. Социальная интерпретация диагональных погребений с территории Южного Приуралья 126
- Кушкұмбаев А.К., Бобров Л.А. Оружие таранной атаки: золотоордынские копья и пики XIII-XIV вв. 133
- Пачкалов А.В. Свод монетных находок на территории Волгоградской области 147
- Петрова Л.Ю. Новые материалы к характеристике поселений эпохи бронзы юга Челябинской области 191
- Шилов С.Н., Новиков И.К. Исследование неолитического поселения Дачный-2 в Нижнем Примиассье 221

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

- Сүйіншәліев Х.Ж. Ұстаз тарихшының қуагерлігі 236
- Сдыков М.Н. Изменения численности населения Западно-Казахстанской области в годы войны 244

ЮБИЛЕИ

- Сдыков М.Н., Марыксин Д.В. Кушаев Гаяз Абдулвалиевич (к 85-летию) 253

Вопросы исламизации улуса Джучидов и вероисповедание хана Токты (690/1291 – 712/1312–1313 гг.)

П.Н.Петров, К.З.Усkenбай

Великая Монгольская империя Чингиз-хана и его преемников, охватившая большую часть евразийского континента, как и многие другие имперские структуры включала в себя конгломерат народов, отличных друг от друга, в том числе и по опыту приобщения к мировым религиям. Чингизиды, завоевав и политически подчинив народы Евразии, не тронули их духовный, религиозный мир¹. Но вместе с тем сами монголы еще не втянутые в орбиты крупных религиозных систем того времени, создав новую мировую империю, сформировали новое пространство для проповеднической деятельности представителей всех этих религий.

Поколения монголов Чингиз-хана и его сыновей оставались верны своим религиозным (шаманистским) представлениям, но уже поколение внуков основателя Эке Монгол Улуса внесло раскол в имперскую элиту по религиозному принципу. Религиозный раскол Чингизидов во многом был обусловлен и влиянием окружающей завоеванной культурно-религиозной среды. В Китае, одной из частей империи, Хубилаиды (потомки Хубилая, сына Тулуя, сына Чингиз-хана) попали под влияние богатой духовной культуры Китая. В других улусах Чингизидов – Иране и Мавараннахре – прежде господствовал ислам. Во владениях Хулагуидов (потомки Хулагу, сына Тулуя, сына Чингиз-хана) в Иране сильны были шииты, и уже при илхане Токударе-Ахмаде (1382–1384 гг.), сыне Хулагу, ислам на короткое время стал господствующим вероисповеданием, а при илхане Газане (1295–1304 гг.), правнуке Хулагу, ислам здесь стал государственной религией, а сам Газан именовался *падишах ал-ислам* («государь ислама»). Исламизации Чагатайских владений способствовали сильные позиции мусульманского духовенства в Мавараннахре как в домонгольскую эпоху, так и после их прихода сюда. Хотя статус государственной религии ислам получил здесь сравнительно поздно в правление султана Ала ад-Дина Тармаширин-хана (1326–1334 гг.)².

Иначе обстоит ситуация с религиозными предпочтениями в Дешт-и Кыпчаке, составившем основу владений Джучидов. До прихода монголов

кыпчакские ханы и их подданные в основной массе своей, как и монголы поклонялись Вечному Синему Небу и только отдельные представители знали вместе со своими подданными переходили в ислам, христианство или редко в иудаизм (Ахичжанов, 1995, С. 273–281). С приходом монголов и образованием Джучидского улуса в Степь хлынули потоки проповедников всех религий. В основном они были сосредоточены в городских центрах Джучидов в Поволжье, Крыму, Хорезме и Туркестане. Однако, несмотря на их активную проповедническую деятельность, основная масса населения по-прежнему оставалась вне мировых религий.

Пути распространения ислама в улусе Джучидов

Один из ведущих современных медиевистов джучидов М.Г. Крамаровский, в своей работе «Золотая Орда как цивилизация» посвятил отдельный раздел истории распространения религий в улусе Джучидов «Религия и верования Дешт-и Кыпчака в XIII–XIV веках», где совершенно справедливо на наш взгляд писал: «Вхождение в мусульманское сообщество – умма – народностей, включенных в орбиту джучидской государственности и их ближайших соседей, связано с субъективной волей ханов, но в самом выборе религиозной доктрины есть определенная объективная закономерность» (Крамаровский, 2005, С. 61). Именно по этой причине установление причастности того или иного правителя Джучидского улуса к мусульманской умме представляется важным и необходимым для понимания процесса исламизации населения.

Вопросу исламизации кочевой части Золотой Орды и в первую очередь ее господствующей верхушки уделит внимание такой видный ученый, как профессор А.Ю. Якубовский, высказывая свои суждения о причинах возникновения этого процесса и выделяя центры его инициации – Мавараннахр, Хорезм, Булгар, Египет. Он полагал, что Хорезм сыграл крупнейшую роль в исламизации кочевой части Золотой Орды и в первую очередь ее господствующей верхушки (Треков, Якубовский, 1998, С. 127). По его мнению «вместе с кушитами, вместе с постоянным притоком ремесленников из мусульманских городов в города Золотой Орды, главным образом в оба Сарая, шло распространение исламской религии. Более всего, конечно, в исламизации Золотой Орды сказалось влияние культурных центров Средней Азии, особенно Бухары и Ургенча, а также Булгара» (Треков, Якубовский, 1998, С. 126). Далее А.Ю. Якубовский к этому перечню добавил мамлюкский Египет: «мамлюкские султаны Египта оказывали сильное давление на золотоордынских ханов в вопросе о скорейшей исламизации их государства» (Треков, Якубовский, 1998, С. 126–127).

Так в историографии были обозначены четыре основных источника проникновения ислама в Джучидский улус – Мавараннахр, Хорезм, Булгар, Египет. Однако, современная историография исламизации Дешт-и Кыпчака, пополнившаяся специальными монографиями и диссертационными исследованиями на эту тему, внесла свои коррективы (См.: Васильев, 2007; Васильев, 2007а; Васильев, 2009; Галиахметова, 2007; Малов, Малышев, Ракушин, 1998; Ракушин, 1998 и др.).

По мнению Д.Д. Васильева «государство Золотой Орды, или Улус Джучидов, ... с самого начала своего образования находилось под непосредственным воздействием мусульманской культуры и религии как внутри – от булгарских городов Приволжья и Прикамья, а также

¹ Война с мусульманским Багдадским халифом и в каизь аббасидского халифа ал-Муста'сима монголами в 656/1258 г. не имела выраженного характера религиозной войны против мусульман и являлась продолжением значащих завоевательных кампаний.

² Об этом смотрите ниже.

³ Более подробно об этом ниже.

Петров Павел Николаевич – кандидат исторических наук, научный редактор публикации по восточной нумизматике. Издательство ООО «Нумизматическая Литература». г. Москва, Россия

Усkenбай Канат Зукаршидулы – кандидат исторических наук, главный научный редактор (руководитель научно-издательского отдела) АО «АБДИ Капитал». г. Алматы, Казахстан

мусульман Хорезма на Нижней Амударье, подвластных золотоордынцам, так и извне – от близкой Бухары и далекого Египта...» (Васильев, 2003, С. 165). Исследователь мусульманства у золотоордынских князючков Нижнего Поволжья А.И. Ракушин и его соавторы Н.М. Малов и А.Б. Малышев полагают, что «вхождение в состав Улуса Джучи давно исламизированных регионов – Хорезма и Волжской Булгарии изначально предопределило значение ислама и мусульман в становлении государства и общественных институтов, развитии городов и ремесел, торговли и культуры» (См.: Малов, Малышев, Ракушин, 1998, С. 94–125; Ракушин, 1998). По мнению И.Л. Измайлова «в Улусе Джучи был воспринят сунизм в его ханифитском толке из Средней Азии. При этом, вопреки весьма расхожему мнению, исламские традиции из Булгарии, существовавшие в более ортодоксальной и милитаристской форме, чем в Хорезме и Мавераннахре, не оказали определяющего влияния на вероисповедание и ритуальную практику Золотой Орды» (Измайлов, 2003). Важное уточнение в рассматриваемый вопрос внес казахстанский востоковед-арабист А.К. Муминов, обнаруживший новые факты о «значительном влиянии традиционных центров мусульманской образованности, расположенных к югу от Сарая, на формирование в нем (Сарая – П.П. К.У.) местной среды богословов. В условиях временного упадка Бухары и Самарканды в XIII–XIV вв., – пишет этот исследователь, – заметно выделяются три таких региона – города в бассейне среднего течения Сырдарьи на территории Казахстана (Сайрам, Фараб, Зарюк, Иткан (Ихан), Сулхан, Узгенд, Арюк, Сыгнак, Барчинканд (Барчинлигитек), Джанд и др.); Хорезм; Хорасан» (Муминов, 2004, С. 121–122; см. также: Муминов, 2006, С. 12–14).

История принятия ислама отдельными золотоордынскими ханами убеждает нас в определяющем влиянии исламских вероучений Мавераннахра (в культурно-религиозном плане сюда можно включить и Туркестан – средневековая историческая область с присырдарьинскими городами) и Хорезма. Поэтому обосновано на наш взгляд мнение М.Г. Крамаровского о том, что именно влияние этих регионов сыграло решающую роль в распространении ислама среди кыпчаков Золотой Орды (Крамаровский, 2005, С. 61). По словам исследователя «в распространении ислама в среде кочевников кыпчакских степей особенно велика роль хаджи Ахмада ал-Исави (1103–1166/1167), уроженца Сайрама и основателя братства Ясавайя» (Крамаровский, 2005, С. 61). Мнение российского ученого совпадает с «взглядами» иранского историка М.Шуджи на влияние ислама в Дешт-и Кыпчаке: «в распространении ислама в Центральной Азии и Дешт-и Кыпчаке основную роль сыграли суфийские шейхи. Именно они донесли до людей духовное учение ислама» (Шуджи, 2004, С. 319).

Но вместе с тем, поскольку в истории исламизации улуса Джучидов мы имеем дело и с «субъективной волей ханов», то «здесь, – как пишет М.Г. Крамаровский, – нельзя недооценивать и роль Мамлюкского Египта – основного партнера Джучидов в мусульманском мире» (Крамаровский, 2005, С. 61).

Ислам среди Джучидов

Современные исследователи со времен А.Ю. Якубовского (Тревоя, Якубовский, 1998, С. 126) традиционно ведут отсчет начала проникновения ислама в Джучидский Улус с Берке. По словам арабского автора,

мамлюкской энциклопедии для канцеляристов «Субх ал-а'ша фи китабат ал-инша'» («Рассвет для слеповатого по части писания сочинений») ал-Калкашанди (1355–1418 гг.): «первый из царей этого государства рода Чингизхана, сделавшийся мусульманином, был Берке... Обращение его в ислам произошло ранее воцарения его... Правовереие его было искренне» (ал-Калкашанди, 2005, С. 289).

Арабские авторы единодушно в отношении вероисповедания Берке⁴, при этом по сведениям наиболее осведомленных (Рукн ад-дин Байбар, ал-Омари, Ибн Халдуи, ал-Калкашанди, аз-Захаби) Берке принял ислам в Бухаре еще до прихода к власти «из рук» Сайф (Шамс) ад-дина ал-Бахари⁵ (ум. в 1261 г.) около 1251 г., после коронации Мунке-аана (ал-Умари, 2005, С. 182–183)⁶. Иначе о принятии ислама Джучидом Берке пишет персональный ал-Джуджани, его старший современник: «Когда мать родила Берке-хана, отец его сказал: "Этого сына я делаю мусульманином, будешь ему мусульманским кормилецю, чтобы она его пуповину обрезала по-мусульмански и чтобы он пил мусульманское молоко, ибо этот сын мой будет мусульманином"⁷... обучение его Корану происходило в Ходженде... По наступлении срока обрезания над ним (Берке) совершили этот обряд» (ал-Джуджани, 1941, С. 16). Этот рассказ только на первый взгляд не согласуется со сведениями вышеприведенных арабоязычных авторов, но если мы допустим повторное принятие ислама этим Джучидом в зрелые годы, то противоречия разрешимо. Чуть ниже ал-Джуджани, как и арабские авторы, также упоминает о поездке Берке в Бухару, «чтобы посетить оставшихся в живых и умерших мусульманских святых и ученых», также он пишет и о том, что Берке принял ислам из рук Сайф ад-дина Бахари Сахури (ал-Джуджани, 1941, С. 17, 19; прим. № 3). В истории принятия ислама Берке мы видим влияние Мавераннахра и Хорасана. Но и мамлюкские султаны не остались в стороне – в Мекке по приказанию султана ал-Малик аз-Захир Байбарса в честь Берке совершаются торжественные процессии, в мечетах молятся за его здоровье, имя его произносится в хутбе после имени султана (Закиров, 1966, С. 56).

⁴ИЮО том, что Берке являлся мусульманином говорит большинство арабских источников (см. напр.: аз-Захир, 2005, С. 76; Байбар, 2005, С. 88–89, 113–114; ал-Нувайри, 2005; С. 122; аз-Захаби, 2005, С. 165; Ибн Халдуи, 2005, С. 269–270; ал-Калкашанди, 2005; С. 289; ал-Айни, 2005, С. 352–353), все необходимые извлечения из которых вынесены в переводном виде в XIX в. были изданы В.Г. Тизенгаузеном. Мы использовали ⁵переработанное и дополненное арабистами Б.Е. Кузнецовым и А.К. Муминовым издание этого труда.

⁶Ал-Бахари выходец из хорасанской области Бахар, получивший образование в Египте и Нишуре, являлся шайхом-суфием братства кубравийи и ханифитским факелом Улусаре (Муминов, 2004, С. 123).

⁷Рукн ад-дин ал-Айни пишет, что ал-Бахари сам отправил к Берке своего ученика, который и скрепил его и большую часть его подданных к мусульманству. Возможно, основным источником этих сведений является информация Абу-а-Тазн-аана о том, что Берке принял ислам в Сарайчике, после того как пообщался с людьми, прибывшими из Бухары (Абу-а-Тазн, 1996, С. 99). Об истории принятия ислама этим Джучидом см.: Richard, 1999, pp. 73–184. Р.Ю. Почеков полагает, что «уже с раннего детства Берке и его братья воспитывались в мусульманских традициях», поскольку матерью Берке была Хан-Султан, старшая дочь хорезмшаха Ала ад-дина Мухаммада (Почеков, 2010, С. 10, 249; прим. № 5).

Об уровне исламизации Джучидского улуса в эпоху Берке

В историографии сложилось мнение о незначительном распространении ислама в правление Берке и даже полным провале политики исламизации. Так, В.Л. Егоров пишет: «Попытка проведения религиозной реформы Берке вызвала явное противодействие кочевой монгольской аристократии и, как известно, окончилось полным провалом» (Егоров, 1985, С. 199–200)⁷. Хотя сведения источников говорят о переходе в ислам значительного числа золотоордынской знати. По словам Абу-л-Гази-хана вместе с Берке ислам принял его младший брат Тукай-Тимур⁸ (Абу-л-Гази, 1996, С. 99). Ибн Абд аз-Захир, секретарь мамлюкского султана ал-Малик аз-Захир Байбарса, со слов египетских послов, сообщает о том, что у каждого из эмиров Берке, у каждой хатун есть му'аззин и имам, а дети слушают чтение досточтимого Корана в мактабах. Также египетские послы присутствовали на празднике обрезания (аз-Захир, 2005, С. 76). По словам Руки ад-дина Байбарса послы царя Берке привезли египетскому султану письмо, «которое содержало поименование тех, кто из татарских домов принял ислам и вышел из толпы неверных, с подробным перечислением их по племенам и родам, (с указанием) отдельных лиц и ратей, младших и старших...» (Байбарс, 2005, С. 88–89). Мусульманство принимали эмиры, их многочисленные семьи, подданные, отряды. Этот же автор сообщает о том, что супруга Берке Джидак, также принявшая ислам, «приказала построить для нее мечеть из палатки, которую возили туда, куда бы она ни направлялась и ставили везде, где бы она не останавливалась» (Байбарс, 2005, С. 114; ан-Нувайри, 2005, С. 123). По словам аз-Захаби все войско Берке состояло из мусульман и «мечети свои, состоящие из шатров, они возят с собой. У них имамы и му'аззин, и совершаются у них (все) пять молитв (мусульманских)» (аз-Захаби, 2005, С. 165).

Об успехах исламизации в улусе Джучидов свидетельствуют также и данные джучидской антропоники этого времени. Бату, сын и наследник Джучи, оставил не самое большое потомство. Известны имена трех его сыновей – христианин Сартак, Токал (или Тукал, очевидно сокращенное от Тококан?) и Абухан (Эбуген). Имя младшего сына в первом слове (Абу) имеет известные аналогии в мусульманской антропоники и можно допустить, что этот Джучид являлся мусульманином. Если это так, то соответственно и его дети могли иметь мусульманские имена. Из семи сыновей Абухана четверо имеют определено тюрко-мусульманские антропонимы: Барак, Булар (Булат), Ахмад, Сабир (Рашид ад-Дин, 1941, С. 53).

Можно предположить, что весь последующий период после смерти Берке и до восшествия на престол Узбек-хана, когда ислам стал государственной религией, мусульманское духовенство непрерывно и

активно увеличивало свое политическое влияние в Джучидском улусе и расширяло круг своих верующих. Исключение составляют правления Менгу-Тимура (1267–1280 гг.) и, как принято считать, главного героя нашего повествования – хана Токты (1291–1312/13 гг.). В историографии их зачастую характеризуют как приверженцев монгольской веры, хотя, например, о религиозных пристрастиях Менгу-Тимура источники немногословны.

Мусульманство Джучидов крепнет

После смерти Берке в власти пришел Менгу-Тимур. Можно предполагать, что он исповедовал шаманизм (Мыськов, 2003, С. 103), но в политическом плане этот Джучид продолжил курс своего предшественника и по свидетельству Ибн Кассира «следовал пути и образу действий его (Берке)» (Ибн Кассир, 2005, С. 205; см. также Мыськов, 2003, С. 104). Кроме того, по источникам известно имя его старшей жены Джидак-хатун, которая «пользовалась почетом и уважением, потому что была из родовитого дома» (Байбарс, 2005, С. 93)⁹. Очевидно, Джидак-хатун это вышеупомянувшаяся супруга Берке, активно проповедовавшая ислам, и после смерти Берке она стала женой нового хана. О росте политического влияния этой ханши-мусульманки можно говорить и по тому факту, что после смерти ее второго мужа Менгу-Тимура к власти при ее всемерной поддержке пришел его младший брат Туда-Менгу (1282–1287 гг.) (Мыськов, 2003, С. 121–122). Надо полагать, что поддержка влиятельной ханши и ее партии оказали влияние и на религиозный выбор самого Туда-Менгу. Арабоязычные источники однозначно характеризуют его как мусульманина.

В сочинении неизвестного арабоязычного автора XIII в., написанного в мамлюкском Египте, говорится о приезде послов золотоордынского хана к султану Египта: «прибыли (в Египет) послы Кипчакские праведные: один из них – праведец Мадж ад-дин Ата со своим спутником Нур ад-дином и другими товарищами. Они представили собственноручно послание на монгольском языке от Тутаменги, содержавшее (извещение), что он принял ислам, вступил на престол и установил у себя законы мусульманские. Праведцы эти сказали: «он (Тутаменгу) послал нас просить для него у владык нашего, султана, прозвище из имен мусульманских, которым он мог бы называться, зная от халифа и зная от султана, да наказы (трубы), чтобы он мог двинуться с ними в поход и выступить на встречу арагам религии» (Тариф, 2005, С. 80; Байбарс, 2005, С. 95; ан-Нувайри, 2005, С. 134). При помощи египетского султана Туда-Менгу начал строительство мечети в Крыму, «ценною в 2000 динаров» (Ибн ал-Фурат, 2005, С. 267). По мнению казахстанского историка З.Жандарбека Туда-Менгу мог быть приверженцем Ибн-Айвазского тариката суфитов. В составе имени – Мадж

⁷ Заключение В.Л. Егорова изложено категорично. Доводы против его мнения приведены в работе Е.П. Мыськова (Мыськов, 2003, С. 99–100).

⁸ Вышеупомянутый ал-Джуджани ссылается на знающих людей писал: «Бату втайне сделался мусульманином, но не обнаруживая (этого) и оказывая последователям ислама полное доверие» (Джуджани, 1941, С. 15; см. также: Узманов, 1985, С. 185; притм. №23, Гальхаметова, 2007, С. 52). Исследователи усматривали в этом лишь благосклонное отношение Бату ко всем религиям, что представляется каждой могло быть покоем как тайное принятие именно их веры.

ад-Нувайри пишет, что она была из «знанского рода» (ан-Нувайри, 2005, С. 125). Сам автор сообщает, что она была матерью Агтуя, старшего сына Менгу-Тимура. Согласно сведениям Рашид ад-Дина матерью Агтуя и его брата Токтая являлась Олдай-хатун из рода кунгират, дочь Салджидий-гергена и Беклемеш-ака, сестры Менгу-хана. Возможно, переписчик хронист допустил ошибку, так как арабские историки анонимный «Историк ал-айма» (Из биографии, 2005, С. 79), Руки ад-дин Байбарс (Байбарс, 2005, С. 114) и ан-Нувайри (ан-Нувайри, 2005, С. 126) среди шести жен Менгу-Тимура называют именно Джидак-хатун, затем Олдай-хатун и т.д. Подобную несогласованность информации разных источников еще предстоит подвергнуть критическому анализу.

ад-Дин Ата—одного из послов нового хана в Египет, упоминается термин *ата*, присущий сундизму, последователям тариката Иасаия (Жандарбек, 2005, С. 30). По словам Ибн Батутты хан Узбек, сделавший ислам официальной религией в улусе Джучидов, сайида—шарифа называл *ата*, что на тюркском языке значит *Джучид* (Ибн Батута, 2005, С. 227).

По мнению А.И. Ракушина хан Тула-Менгу решился принять ислам по примеру Ногай⁹², но это вызвало протест антиисламски настроенной верхушки золотоордынской аристократии и эта элитарная группировка чингизидов—шаманистов во главе с Тула-Бутой (1287—1291 гг.) свергла хана—мусульманина и на короткое время ослабила позиции ислама (Малов, Малышев, Ракушин, 1998, С. 99–102). Но уже через три года Ногай взыл верх и привел к власти Токту, сына Менгу-Тимура. Казалось бы исламская партия должна утвердиться, но как оказалось юный Джучид имел свои представления о верховной власти, роли Ногай в стране и влияния исламской религии. Очевидно, сказалась и политическая конъюнктура, сложившаяся в момент прихода Токты к власти. Попытаемся разобраться в сведениях источников и исследовательской литературы по этому вопросу.

«Токта исповедовал веру татарскую»

Еще в 1950 г. один из авторов первой советской монографии по истории Золотой Орды А.Ю. Якубовский полагал, что «согласно большинству источников, Токта не был мусульманином, а придерживался язычества, по-видимому, был буддистом, что не мешало ему проводить повзросительственную политику в отношении мусульман» (Греков, Якубовский, 1998, С. 74). Вот так в одном предложении советский профессор изложил всю противоречивую суть религиозных пристрастий Токты. И дальше эти противоречия толку тиражировались. Татарский джучиевед М.Г. Усманов считает Токту язычником (Усманов, 1985, С. 179, 184; прим. № 17).

Современные исследования не прибавили язычеству Токты новых доводов. Авторы учебного пособия «Религии в Золотой Орде» Н.М. Малов, А.Б. Малышев и А.И. Ракушин считали Токту «ханом—язычником», хотя привели множество фактов постепенного укрепления мусульманства в Орде при правлении Токты — «покровительственная политика в отношении мусульман»; «широчайшие возможности для развития караванной торговли» и полная безопасность караванам мусульманских торговых компаний (Малов, Малышев, Ракушин, 1998, С. 101—102). Одна из новейших по времени работ, специально посвященных истории ислама в Золотой Орде, книга Г.Г. Галиахметовой и в ней также говорится о том, что Токта был «шаманистом» и «приверженцем Неба», который «на протяжении всего правления Золотой Ордой остался верным шаманской вере» (Галиахметова, 2007, С. 61, 62, 81). Однако есть и другие мнения.

Буддист Токта или вера уйгуров

⁹² О том, что Ногай принял ислам до 1270 г. сообщалось в его послании египетскому султану: «... Хвалю Аллаха Всевышнего за то, что он включил меня в число правоверных и сделал меня (одним) из тех, которые следуют вере очевидной...; мы вступили в ислам и уверовали в Аллаха...; мы идем по пути отца нашего Берке-хана, следуем за истиной и уклоняемся от лжи» (Байбаре, 2005, С. 91).

Средневековые источники часто упоминают о буддизме в Монгольской империи, изменяя его идолопоклонством или верой уйгуров. Первое и наиболее подробное описание этой религии у монголов оставил посол французского короля Людовика IX монах—минорит Гильом де Рубрук. По его словам жрецы этих Уйгуров (уйгуров) брезжит щелчком головой и бороду; одевание их жетоного цвета (постоянно носят желтые рубашки)... постоянно повторяют следующие слова: «*om mani baccap*» («*ом, мани падме, хум*» — краткая священная формула буддистов на тибетском языке — П.П., К.У.), сжигают своих умерших по старинному обряду и сохраняют прах на вершине пирамиды (Рубрук, 1993, С. 112—113, см. также: С. 111—112, 149—153, прим. к главе 26 на С. 212—213 и к главе 44 на С. 220). Все это как нельзя лучше характеризует наличие буддизма в империи Чингизидов. Рубрук также пишет о том, что Момлы (монголы) заместовали писмена Уйгуров, и они (Уйгury) являются главными писцами среди них (Рубрук, 1993, С. 114). Для обозначения буддистов, буддийских монахов Рубрук использует уйгурский термин *туин* (Рубрук, 1993, С. 117, 151—154), вошедший и в монгольский язык в форме *тойи* (Рубрук, 1993, С. 214; прим. № 183). Когда Рубрук и его спутники выбрили себе бороды перед аудиейшей у хагана, то монголы—несторияне приняли их за «туинов, то есть идолопоклонников» (Рубрук, 1993, С. 123). Этот же термин (*туин*) использовал для обозначения буддийских монахов персоязычный историограф Хулагуидов Рашид ад-Дин (Рашид ад-дин, 1960, С. 142), он также именует их уйгурями—идолопоклонниками⁹³ (Рашид ад-дин, 1960, С. 58) или ламами⁹⁴ (Рашид ад-дин, 1960, С. 196). Ламы по его словам пользовались «большим доверием и значением» у Кубилай-хаана, «их слова имеют большой вес» (Рашид ад-дин, 1960, С. 196).

Не меньшим «доверием и значением» пользовались буддисты в улусах Чингизидов и в том числе в улусе Джучидов (Костюков, 2009а). В историографии буддизм монголов часто путали с несториянством или шаманизмом и считали менее распространенной религией. А.Ю. Якубовский полагал, что «не следует, конечно, преувеличивать роль буддизма у монголов во второй половине XIII и начале XIV в., едва ли он мог быть даже очень заметным в жизни монгольского народа. По всему видно, что он не оказал никакого сопротивления исламу» (Греков, Якубовский, 1998, С. 125). Однако современные историки пришли к иному заключению: «в политической истории улуса (Джучидов — П.П., К.У.) буддизм и буддисты сыграли значительную роль», но «если говорить о присутствии буддистов в государственном аппарате Улуса Джучи есть все основания, то говорить о значительном распространении Учения среди населения Нижнего Поволжья за XIII—XIV вв. не приходится» (Курапов, 2008, С. 120; Курапов, 2009, С. 76).

⁹³ Вместе с тем, современные авторы признают, что при правлении Токты буддисты, получившие покровительство светской власти, пользовались большим влиянием (Курапов, 2008, С. 120; Малов, Малышев, Ракушин, 1998, С. 60). Впервые вопрос о роли буддизма в истории и культуре улуса Джучидов специально рассматривал В.П. Костюков (1949—2009 гг.). По его мнению «в правление хана Токты буддийская община превратилась в крупнейшую, наименьший шарчик Кучук, бежа от монгольского преследования в Ниррматым, приняла идолопоклонство — буттарасты (Рашид ад-дин, 1952, С. 182).

⁹⁴ В тексте *базам*, мн. ч.: *базамин*. От санскритского *bhikṣu* — буддийский монах (Рашид ад-дин, 1960, С. 196; прим. № 65).

в наиболее влиятельную в Сарае конфессию», а самого хана Токту «большинство источников характеризует ... как буддиста» (Костюков, 2009а, с. 198; Костюков, 2009, с. 68–69).

Токта – мусульманин?

Противоречие источников о вере Токты, отмеченное А.Ю. Якубовским, спустя многие годы изучения все еще остается не решенным. Двумя десятилетиями позже другой советский историк и археолог Г.А. Федоров-Давыдов пытался дать этим противоречиям свое объяснение. По его мнению, разнохарактерные и отрывочные сведения источников о симпатиях Токты к мусульманам, и одновременно о его идолопоклонстве являются отражением контактов, которые установились между Токтой и мусульманской частью населения Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 1973, с. 74 и прим. № 14).

Современная российская и казахстанская историография также не имеет однозначности в решении этого вопроса. Историк Ю.Е. Варваровский усмотрел в политической жизни Орды эпохи Токты «борьбу кочевой и оседлой знати», а самого хана считал выразителем «первого направления» – одной, сторонники этого направления, «опирались на старые монгольские традиции, являлись хранителями и проводниками предписаний «Великой Ясы» с ее общими негативным отношением к оседлой жизни, земледелию и городам», а соответственно и к мусульманству (Варваровский, 2008, с. 64–65). Симпатии же хана к мусульманам и слухи о принятии им ислама являются, по мнению этого исследователя «пристрастностью» и «политическими расчетами мамлюкского правительства» (Варваровский, 2008, с. 66). Язычником или буддистом склонен считать Токту Р.Ю. Почекаев, автор новейшего исследования о ханах и правителях Золотой Орды (Почекаев, 2010, с. 85)¹². Казахстанский исследователь З.Жандарбек считает, что хоть и Токта не принял ислама, но его отношение к исламской религии было положительным, и он был «на стороне исламской религии» (Жандарбек, 2005, с. 31). Покровительство, оказываемое Токтой мусульманам, способствовало сложению предпосылок для формирования ислама в качестве государственной религии в Золотой Орде; при Токте исламская религия существовала в Золотой Орде «на уровне социальной психологии» (Жандарбек, 2005, с. 31). Татарский исследователь религиозных традиций в Золотой Орде Г.Г. Галияхметова говоря о победе сторонников ислама после прихода к власти Узбека допускает «существование некоторых общих идейных параллелей между Токтой и Узбеком» и «преemptивность идей эпохи Токты и Узбека-хана» (Галияхметова, 2000, с. 52). Неоднозначно говорит о вере Токты М.Г. Крамаровский в уже упоминавшейся работе: «до нашего времени дошли пайцзы четырех мусульманских ханов Золотой Орды – Токты (1290–1312), Узбека (1312–1341), Кельдибека (1361) и Абдуллы (1362–1369)» (Крамаровский, 2005, с. 70), но ниже автор пишет, что Токта, активно поощрявший деятельность колдунов и лам, открыто исповедовал шаманизм (Крамаровский, 2005, с. 71). Ю.М. Кобишанов, один из авторов многогранной обобщающей работы «Очерки истории распространения

исламской цивилизации», впервые, на наш взгляд, внес некоторую ясность в противоречивые сведения источников. Он допускал, что «при жизни Ногай – защитника ислама – Токта выполнял обряды древнемонгольской религии, возможно, интересовался буддизмом», а впоследствии, после победы над Ногаем и укрепления своей власти, Токта принял ислам (Кобишанов, 2002, с. 41).

Сведения средневековых письменных источников

Сведения о вероисповедании хана Токты в средневековых письменных источниках ограничены. Известные персонажи (начиная со знаменитого труда Рашид ад-Дина), а вслед за ними и тюркоязычные источники не несут конкретной информации о вере этого хана. В прояснении этого вопроса в нашем распоряжении только арабоязычные нарративные источники, авторов которых условно можно разделить по региональному и конфессиональному признакам на три историографические категории: сирийская (или дамаская), египетская (или каирская) мусульманская и египетская христианская.

Первая группа источников, принадлежащая к «сирийской школе историографии», представители которой, как правило, «не использовали трудов египетских авторов» (Шайх ал-Бирзали, 2005, с. 143; прим. № 3), характеризует хана Токту как буддиста или отчасти шаманиста, но при этом благосклонного к мусульманам и, что характерно, сообщает о вере его сына, надо полагать Илбасара, который по их словам был мусульманином и намеревался после своего прихода к власти сделать ислам единственной религией в своей стране. Другие арабские источники, упоминавшие о Илбасаре, ничего не говорят о принятии им ислама (Байбарс, 2005, с. 111; Ибн Халду, 2005, с. 274; ал-Айни, 2005, с. 360).

Один из ранних (касательно сведений об улусе Джучидов) представителей сирийской историографии Шайх ал-Бирзали (ум. в 1339 г.) пишет: «Он (Токтай или Токтай в написании автора *шгата* – П.Л. К.У.) был неверным, (державшимся) религии поклонения идолам, любил Уйгуров, т.е. лам и волшебников, и оказывал им большой почет. Он был правосуден и расположен к людям добра всякого вероисповедания, но более других уважал мусульман. Любил им мудрецов и врачей и делал им большие подарки... Был у него сын, красивее которого (никто) не видел; он был привержен исламу, любил слушать чтение Корана Великого, хотя не понимал его, и предполагал, когда делается царем (этой) страны, не оставит в царстве своем никакой другой религии кроме мусульманской» (ал-Бирзали, 2005, с. 143).

— То же самое, только немного сокращенно сообщил аз-Захаби (ум. в 1348–1349 г. в Дамаске): «Он (Токтай или Токтоа, так у автора – П.Л. К.У.) любил кудесников и величал их, отличался справедливостью и расположением к людям добрым различных вероисповеданий, но особенно уважал мусульманство и любил врачей... Был у него красивый сын, сделавшийся мусульманином и любивший чтение (слушание) Корана» (аз-Захаби, 2005, с. 166). Более конкретно он выразился в краткой редакции своей летописи: «Схожился он (Токтай – П.Л. К.У.) неверным (аши-и-ширк). Был у него сын, который успел принять ислам, но умер раньше его отца» (аз-Захаби, 2005, с. 167).

Еще два историка из Дамаска Ибн Касир (ум. в 1373) и Ибн Кадй Шухба ал-Асади (ум. в 1448 г.) также упоминали почти в одинаковых

¹² В пояснении автор привел некоторые сведения источников и историографии по этому вопросу и допускал, что «вопрос о вероисповедании самого Токты до сих пор остается открытым» (Почекаев, 2010, с. 287; прим. № 179).

выражениях о вере Токты. «Он (Тугтай-хан – П.П. К.У.) был человек решительный и храбрый, исповедовал веру татарскую, (заключавшуюся) в поклонении идолам и звездам, любил лам (ал-муджассима), мудрецов и врачей и покровительствовал мусульманам более всех других народов» («Больше, чем других религиозных общин») (Ибн Кассир, 2005, С. 205). «Токтай, ..., Монгол, царь Кипчакский, был (человек) провицательный и храбрый, веры Татарской, (состоявшей) в поклонении идолам и звездам, уважал мудрецов и кудесников, любил мусульман, в особенности же людей образцовых из них, и всякой (другой) веры, и был справедлив» (ал-Асади, 2005, С. 319).

Из собственно египетских мусульманских историографов той эпохи о вере Токты сообщают только ал-Макризи (ум. в 1441–1442 г.) и находившийся с ним в «недружественных отношениях» (ал-Айни, 2006, С. 127) Бадр ад-дин ал-Айни (ум. в 1451 г.). Первый очень лаконичен: «Поклонялся он (Токта – П.П. К.У.) идолам, согласно религии бахшей (лам)» (ал-Макризи, 2005, С. 309). Сведения же ал-Айни очень похожи по своему содержанию на информацию его сирийских коллег¹⁴: «Он (Токтай – П.П. К.У.) был (человек) энергичный и отважный, веры уйгурской, (состоящей) в поклонении идолам и звездам, уважал бахшей (т.е. лам), мудрецов и врачей и почитал мусульман более всех (других людей)» (ал-Айни, 2005, С. 360).

Особняком стоит короткая, но многозначительная информация ал-Муфаддала, «копт-христианина» из «известной интеллигентной египетской христианской семьи» (ал-Муфаддал, 2005, С. 146: прим. № 6; С. 145: прим. № 2): «Наступил 704 год (4 августа 1304 – 23 июля 1305 г.); владью степей Кипчакских (был) царь Токтай... он (Токтай – П.П. К.У.) был мусульманин» (ал-Муфаддал, 2005, С. 154). Его сочинение было окончено в 1357–1358 г. Надо полагать, что «копт-христианин» ал-Муфаддал, не имея оснований искажать информацию о вере Токты, также впрочем, как и его высшемуапелюте коллеги. Этому противоречию можно найти объяснение.

Всем известно, что компилятивный источник всегда проигрывает документальному в точности сообщаемой информации, и в её надежности. В нашем распоряжении имеется пока лишь один документальный источник, который здесь и будет подробно проанализирован – нумизматический материал.

Анализ нумизматического источника

Изучение нумизматического источника времени правления хана Токты (690/1291 – 712/1312–13 гг.) в сравнении с монетным материалом предыдущих периодов обнаруживает существенные изменения в содержании изображений и легенд, носящие регулярный, осмысленный характер. Важно, что эти изменения касаются не всей территории юрта Джучидов, а лишь определенных его регионов, которые входили в зону кул или иначе – в ханский домен. Стараясь максимально формализовать подход к информации, получаемой от монетного источника, авторы обнаружили неопровержимые свидетельства принятия ханом Токтой ислама во второй период его правления. Что бы наши доказательства были убедительными, рассмотрим подробно данные нумизматики каганата

(Великой монгольской империи) и трех ханатов – государств Джучидов, Хулагуидов и Чагатаидов за XIII – начало XIV в.

Первоначально выделим те самостоятельные информационные позиции нумизматического источника, которые могут сообщать о принадлежности хана к мусульманской вере. Установим надежные критерии распознавания хана-мусульманина, изучим монетные легенды и присутствие на монетах знаков собственности. Информационных позиций, принципиально способных содержать подобные данные, существует пять. Об этом может свидетельствовать помещение на монетах:

- I. имени собственного хана;
- II. мусульманского титула и лакаба;
- III. мусульманского имени хана, взятого при принятии ислама;
- IV. легенд религиозного характера (символ веры, ивокации, упоминание халифа);
- V. тамги (или отказ от её помещения).

Понятно, что изображения буддийских символов веры, присутствие философских сентенций (с уклоном в любую религию, кроме ислама) и выпусков сведений на монетах не могут указать на исламское вероисповедание хана улуса. Поэтому они и не будут рассматриваться на предмет выявления специфических критериев для решения поставленной задачи. Не секрет, что изначально завоеватели и их верховные правители Чингизиды не были мусульманами, а в массе своей были шаманистами, буддистами, и христианами несторианского толка. Это вполне могло способствовать нарушению соблюдения установленного ранее (до монгольского завоевания) строгого порядка в отношении обязательности помещения на монетах Центральной Азии мусульманских: символа веры и имени здравствующего багдадского халифа. Именно поэтому нам предстоит рассмотреть каждую из пяти намеченных формальных позиций и выбрать ту (или те), которые наиболее чувствительно «реагировала» на переход хана в мусульманское вероисповедание (или приход к власти хана-мусульманина).

Предварительно необходимо отметить, что рассматриваться здесь будут только серебряные дирхемы, поскольку медные монеты в XIII в. чеканились не во всех вилайятах улуса Джучидов и сведений о них собрано недостаточно. Да и статус медной монеты существенно ниже, чем серебряной, поскольку она изначально предназначалась для обращения на местных рынках. О многочисленных выпусках золотых (правильнее, видимо, электровых) динаров известно по результатам изучения монетного обращения Средней Азии первой половины XIII в. Повышенный статус выпусков золотых монет в Монгольской империи в XIII в. сохранялся, как и в прежние времена. Это прекрасно видно из репертуара и содержания легенд на золотых динарах¹⁵, эмиссия которых формировали значительный объем денежных средств государства Ильханов благодаря регулярности их выпусков разными монетными дворами и в XIII, и в XIV вв. Монетные легенды золотых динаров будут учтены при рассмотрении вопроса в той мере, в какой это будет необходимо по ходу исследования. Итак, рассмотрим каждую из намеченных информационных позиций (далее в тексте они обозначены теми же римскими цифрами).

¹⁵ Здесь этот вопрос подробнее освещаться не будет, поскольку не связан с темой статьи.

¹⁴ Говоря о времени смерти Токты ал-Айни ссылается на сирийца Ибн Касира, но добавляет сведения о болезни Токты, отсутствующие у сирийских историографов.

1. Начиная с Чингиз-хана, в Монгольской империи XIII в. наличие имен каанов на монетах (как и имен правителей улусов) – явление чрезвычайно редкое. Имена Темучин на монетах до сих пор не встречено. Достаточно редки монеты с титулом Чингиз-хан [Самарканд, Бухара, Газна (Spengler, 1996, p. 16–18; см. фототабл. 1) – на золотых динарах; Мерв (ZENO, 1281; 1294), Самарканд – на медных посеребрянных дирхемах (Давидович, 1972, С. 16, тип 4; Петров, 2005, С. 173, № 1/3); Газна – на серебряных дирхемах и медных джиталах (ZENO, 75426; 46284)]. Имена Чагатай и Угедей встречаются лишь на одной маленькой серебряной монете без указания монетного двора и с тамгами каждого из эмигрантов (Петров, 2005, С. 175, № Ш/1). Имя Гуока помещалось в 1247 г. на монетах далекой от столицы империи Грузии (совместно с именем царя Давида IV) (Пахомов, 1970, С. 128). Серьезные изменения в этом вопросе произошли в правление каана Мунгка. Имя этого Чингизда помещалось и на монетах, например: Грузии (Тифлис) (Пахомов, 1970, С. 138–145), Азербайджана (Ширван) (Сейфеддин, 1978, С. 173), Средней Азии (Бухара) (Давидович, 1972, С. 11–12, тип 4) и в Афганистане (Герат) (ZENO, 64441), и т.д. В улусе Джучидов оно зафиксировано на монетах Булгара [совместно с его тамгой на дирхемах и пулах (Сингапулина, 2003, С. 72, №№ 8 и 9; ZENO, 45886)] и Хорезма (без тамги на дирхемах)¹⁸.

На монетах в улусе Джучидов имя Берке не встречено ни разу, несмотря на то, что о нем известно как о мусульманине (см. выше в разделе «Ислам среди Джучидов»; Иванов, 2009, С. 103–107). Приход к власти каана Менгу-Тимура был ознаменован выпуском именных дирхемов на двух монетных дворах (Булгар и Крым), а его тамга появилась на монетах всех монетных дворов Средней Азии, Поволжья и Крыма. Но имя указывается регулярно лишь в Крыму. Здесь же регулярно в монетных легендах присутствуют имена последующих правящих ханов: Тула-Менгу и Тула-Бути¹⁹ (Хромов, 2007, С. 21–53). Известные монеты Сарая XIII в., битые до Токты, все анонимные. Регулярно имя хана начало помещаться на серебряной продукции всех монетных дворов (кроме Булгара) только в правление Токты²⁰.

В Чагатайском государстве дела обстояли совсем иначе. Имя Кайду, главы улуса Угедеидов и всего государства, на монетах не помещалось никогда! Имя Дувы-хана встречено лишь на дирхемах Хорезма и на медных (посеребрянных?) монетах Пешавара. На монетах Газны присутствует имя Кутлуг-Хаджи – предводителя карлукасов, ставленника Чагатайда Дувы-хана и не редко позиционируемого историографами как его сына. Кроме того, на монетах Бадахшана часто помещались имена правителей местной субдиастрии шахов Бадахшана. На дирхемах Тараза: 1. в 670-е гг.х. встречено имя Али; 2. в 686 г.х. – имя Саянчиг-Тунги, сына Мас'уд-бека. Эти персоны явно не являлись даже местными правителями, а, скорее,

¹⁸ Монеты обнаружены в составе небольшогоклада, найденного членами в районе городища Дев-векен-кала (Туркменистан). Один из дирхемов датирован 658/1260 г. (клад готовится к публикации).

¹⁹ В отношении монет с именами Тула-Бути и Ногай (Хромов, 2007, С. 49–53) есть серьезные сомнения в правильности чтения имени *Нубай*, написанного уйгурскими буквами, поэтому здесь этот выпуск не позиционируется как двуименный.

²⁰ Возможно не все монетные дворы, функционировавшие в улусе Джучидов, существуют в настоящий момент, поэтому речь идет об основных и активных эмиссионных центрах, перечисленных в приложении 1.

были управляющими. Кроме того, известно, что хан Келек, несмотря на то, что поддерживал мусульман, сам мусульманином не был. Однако это не помешало ему помещать свое имя на самых высокопробных монетах (то есть, самых качественных), выпускавшихся в государстве массовыми тиражами: на динарах (с 718/1318–1319 г.) и дирхемах (с 722/1322 г.) Бухары, Самарканд (в 725/1325 г.), а также на продукции монетного двора Оруду Базар (721/1321 г.). Остальные монетные производства по-прежнему выпускали анонимную монету, битую по метрологическим стандартам реформы Мас'уд-бека (670/1271 г.).

Помещение имени правителя на монете – это мусульманская традиция, обусловленная правом эксплуатации монетной регалити. Кстати, это традиция была характерна и для христианского мира тоже. Однако все перечисленные примеры присутствия на монетах имен каанов и правителей улусов в XIII в. свидетельствуют о том, что их использование на деньгах рассматривалось властью больше как политическая прокламация, рассчитанная на местное население. Причем присутствие имени на монете не являлось обязательным (а иногда даже было нежелательным). Поэтому размещения имен эмигрантов – Чингизидов в монетных легендах не носили регулярного характера и были локальными в географическом и хронологическом отношении.

Исключение составляет лишь практика помещения имен Хулагуидов на ильханских монетах, являющихся активнейшего влияния мусульманской культуры Ирана и Ближнего Востока. Здесь монголы регулярно помещали имя Мунгка-каана (в том числе и после его смерти) и Хулагу на большинство монетных дворов ханата²¹. Эта практика нашла свое продолжение и при всех последующих ханах, как являвшихся мусульманами, так и не принимавших ислам.

Известно, что кааны и большинство хаюв Чингизидов XIII в., помещавшие свои имена на монетах, мусульманами не были.

Можно утверждать, что присутствие на монете имени собственного хана не является критерием для установления причастности хана к мусульманскому вероисповеданию.

II. Прежде чем рассматривать титулы и лакабы в качестве критерия для установления причастности к исламу хаюв Чингизидов, необходимо отметить одну особенность монетных легенд, наблюдаемую на серебряной продукции монетных дворов. Не все титулы, помещенные в поле даже одной стороны монеты, относятся к одной персоне (неговоря уже о разных сторонах одной монеты). Например, на монетах Хулагуидов часто можно встретить такую легенду:

قانا الاعظم / اباا ايلخان / المعظم
Kaаn / al-'a'zam / Abааa Ilykhaаn / mu'а'аam

Kaаn / величайший / Abааа Ilykhaаn / возвеличенный

В этой легенде первый расширенный титул (*Kaаn al-'a'zam*) не относится к Abааe, а обезличено (без упоминания имени) относится к правителю Юаань или покойному Мунгка-каану (имя которого, как уже отмечалось, очень долго и регулярно помещалось на монетах этого государства). К имени Abааи относится лишь расширенный титул: *ilykhaаn возвеличенный*. Пример второй:

²¹ Крайне интересным явлением в монетном деле монголов в Персии XIII в. является выпуск анонимных монет (иногда в течение ряда лет) лишь с титулом *каан al-'odiy*. Однако это тема совсем другого исследования.

қан / аған / азам Хулагу ильхан му'аззам / малик ал-музаффар

Каан / ал-а'зам Хулагу ильхан му'аззам / малик ал-музаффар
Каан / величайший Хулагу / ильхан возвеличенный / малик победоносный

И в этом случае каан ал-а'зам относится не к Хулагу, так же, как и последний титул – малик ал-музаффар, принадлежавший малайку Мардина Кара Арслану (Diler, 2006, С. 249, № Н–55). Такие особенности легенд встречаются и в чекане шахов Бадахшана, когда пышный титул (ас-султан ал-а'зам хахан ал-му'аззам аб-у-музаффар), предвещающий имя местного династа шаха Баха ад-дина, является титулом Чагатаида Буйан-Кули хана, имя которого в легенде отсутствует (Петров, 2006, С. 511). Расположение титула хан, когда оно помешено, в подавляющем большинстве случаев стоит после имени, в отличие от титула каан (по-монгольски) или хахан (по-тюркски). Этот высший титул употреблялся на монетах как перед именем, так и после имени.

Отсутствие жестко соблюдаемых правил расположения титулов и лакабов в легендах монгольских монет иногда серьезно усложняет выяснение их принадлежности той или иной исторической персоне. Например, на крымских монетах (Хромов, 2007, С. 10–12, см. фототабл., 3) с тамгой, относимой П.Н. Петровым к Берке, на обратной стороне написан следующий титул:

پادشاه اسلام نصرة الدنيا والدين

Падшах ал-ислам нусрат ад-дуния ва-д-дин

Падшах ислама победа мира и веры

Рассмотрим вопрос – мог ли этот титул принадлежать Берке?

Доводы против:

1. Мог ли вассальный управитель или наместник Крыма (города или области), где находился монетный двор, поместить свой титул на стороне монеты, противоположной «тамговой» стороне? Да, без сомнения! Именно так чаще всего размещались титулы малайков городов (областей) на монетах Чагатаидского государства в последней трети XIII в.: шах 'адия; падишах ад-адил; ал-малик ал-а'зам (Давидович, 1972, С. 157, 164, 170). Совершенно так же размещены имена и титулы шахов Бадахшана в 690-х/1290-х – начале 700-х/1300-х годов (Петров, 2006, С. 498–501). И в улусе Джучидов серебряный дирхем с именем Нулай на другой стороне несет тамгу хана Токты (что, кстати, не дает права использовать эту монету в качестве аргумента, подтверждающего сепаратистские настроения Ногай?) (Северова, 2002, С. 76–79; Бейтер, Дружинин, 2008, С. 143, фототабл. 8/6). То есть, титул на рассматриваемом типе крымских дирхемов мог не относиться к эмитенту – владельцу тамги;

2. Титул падишах ислама внешне не соответствует положению Чингизида Берке – царя огромного улуса и юрта. Он больше соответствует титулу персоне духовного лидера мусульман, нежели правителя улуса Джучиева – такова возможная эмоциональная современная оценка.

Доводы за:

1. Титулы вассалов монголов, помещавшиеся на монетах XIII в., не часто сопровождался столь пышными лакабами, как этот. Причем, как правило, эмитенты относились к представителям именно местных вассальных династий. Например, такие лакабы присутствуют на монетах Сельджуков Рума, правивших в Малой Азии при Ильхане Газане (Diler, 2006, С. 375, № Gv–335 до 339), Кутлугханидов и правителей Хормуза –

при Ахмаде и Аргуне (Diler, 2006, С. 292–293, 319);

2. Могли ли соопитатели Берке быть представители Сельджуков Рума? В Крыму г. Солхат и Судак были отданы в кормление спасенному в 660/1262 г. из плена мусульману-правителю из румийских Сельджуков – 'изз ад-дину Кай-Каусу II и его семейству²⁰ (Камалов, 2007, С. 52). Предполагалось, что здесь в Крыму могли чеканиться его медные монеты (Арсюкин, Студитский, 2005, С. 165–169; Гончаров, 2007, С. 83–85). Но более тщательное изучение этих монет, показало, что они не относятся к крымским выпускам, и что эти типы монет прекрасно известны в нумизматике Малой Азии. Причем, если на монетах размещено имя правителя, то они относятся либо к чеканке Сельджуков Рума, либо к Ильханам в Малой Азии. Монеты без имени, но с теми же характерными изображениями на монетах, являются выпусками бейликов²¹. Собственно практически такой же вывод напрашивается после ознакомления с исследованием, проведенным Е.Ю. Гончаровым. Разница позиций заключается в том, что автор оставляет возможность обнаружения в будущем монетных выпусков Сельджуков Рума в Крыму и ничего не говорит о принадлежности анонимных монет бейликам (Гончаров, 2009, С. 120–130).

Заметим, что у Сельджуков самый первый титул, помещаемый на монетах, всегда был ас-султан, а не падишах, а также фиксируются следующие лакабы: *гизас ад-дин ва-д-дуния (спаситель веры и мира)*, *'изз ... (величие ...); руки ... (столяк ...); 'ата' ... (величие ...)*. После смерти Кай-Кауса II в 671/1272–1273 г. владение улусоведовал его сын Масуд, который, однако, вскоре переехал к Ильханам (Камалов, 2007, С. 61) и включился в борьбу за престол. Но упомянутые монеты Масуд чеканить не мог, поскольку они биты до 665 г.х., т.е. при Кай-Каусе II и Берке. Итак, этот титул и лакаб к султану 'изз ад-дину Кай-Каусу или к его сыну отношения не имел. И в настоящее время нет ни одного надежного доказанного свидетельства выпуска монет в Крыму представителями династии Сельджуков Рума (тем более с их именами, титулами и лакабами). Все это заставляет исключить румийских правителей из списка потенциальных соопитателей Берке в Крыму;

3. Персидский титул падишах не редко использовался Хулагуидами. Титул падишах ал-ислам имел мусульманин Газан-хан, до него титул падишах 'алим (просвещенный) по монетным данным был у Ильханов: Абаги, Ахмада, Кейхату. Можно лишь предполагать, что титул падишах, встречаемый иногда на монетах с именем Хулагу, также принадлежал этому ильхану, а не его вассалу, чеканящему монету. У Аргуна встречен персидский титул – падишах 'адил²². То есть, сам титул «падишах» использовался и мусульманскими (Ахмад) и не мусульманскими ханами (Абага, Аргун), но титул падишах ал-ислам отмечается как характерный

²⁰ Сведения о том, что Кай-Каус II стал наместником Берке в Судак и Солхате нам неизвестны (Гончаров, 2009, С. 129).

²¹ Из личного письма Е.В. Арсюкина одному из авторов настоящей статьи П.Н. Петрову, ноябрь 2009 г.

²² Арабское слово ал-'адил активнейшим образом использовалось в титулатуре Чингизидов. Его прямой перевод – справедливый. Однако его смысловое значение, скорее всего, соотносилось со следующим утверждением: *справедливо [Богаи посаженный на престол]*, т.е., иными словами – законный.

только для правителей мусульман;

4. Берке был мусульманином, принявший ислам в Бухаре от суфийского шейха кубравийского толка Сайф ад-дина Бахарзи (см. выше в разделе «Ислам среди Джучидов»; Кляшторный, Султанов, 2004, С. 234–235; Камалов, 2007, С. 39, 43; Иванов, 2009, С. 103–105). Если же учесть действия Берке по возведению на престол Халифа ад-Халима в Алеппо в период, когда войско Хулагу захватило Багдад (Камалов, 2007, С. 53), то возможность появления такого мусульманского титула и лакаба у мусульманина Берке претерпеть вызывает удивление. Мало того, их помещение на монеты могло носить явно выраженный антихристианский политико-религиозный характер;

5. И в заключении, стоит задаться вопросом: а если этот высочайший мусульманский титул и лакаб не принадлежали Берке, то кому из мусульман явно высокопоставленных, обладающих столь большой властью, которая позволяет ставить свои мусульманские титулы на серебряных монетах Крыма, он мог принадлежать? Представляется, что имени такого сановника мы просто не знаем ни среди современников Берке по дому Джучидов, ни среди простых служащих. А вот то, что титул *падишах ислама* позднее встречается на монетах Крыма в 683/1284–1285 г. и сопровождается оно имя следующего хана-мусульманина Туза-Менгу (Лебедев, 1994, С. 5, 35, №с4–6; Хромов, 2007, С. 23–27), снимает значительную часть недоверия к возможности отнесения такого же титула к Берке.

Проведенные наблюдения указывают на принадлежность мусульманской титулатуры и лакаба в монетной легенде именно Берке. И если бы эта пышная титулатура на монетах заканчивалась бы титулом *хан*, или именем Берке – эти вполне убедительные и логичные доказательства (объяснения) перешли бы в разряд бесспорных утверждений.

На подавляющем большинстве чеканной продукции различных монетных дворов в годы завоевания Чингиз-ханом Центрально-Азиатских территорий нет не только имени этого нового владыки, но и его титула *Чингиз-хан*. Монеты с титулом Чингиз-хан достаточно редки, но в тех случаях, когда этот тронный титул фигурирует в легендах, фиксируются следующие титульные конструкции:

А – золотые динары Газны 618/1221 г. (Spengler, 1996, p. 16–18; ZENO, № 4939 – см. фото табл. 1):

الخاقان/الاعظم /چنگیز خان

al-xaqan / al-'adil / al-'azam / Чингиз хан

хахан /справедливый /величайший / Чингиз-хан

В – золотой динар, год [6]2х г.х., монетный двор предположительно Балх(?) или Валвалид(?) (Album, 2007, № 56148):

الخاقان/الاعظم /چنگیز خان

al-xaqan / al-'azam / Чингиз хан

хахан / величайший / Чингиз-хан

С – серебряные дирхемы Газны (без указания года) (ZENO, № 75426); золотые динары Бухары (без года) (ZENO № 69221) и др. монеты (Sourdel, 1953, С. 100, № 593):

چنگیز خان/الاعظم /العدل

Чингиз-хан/справедливый /величайший

Порядок этих слов бывает и иной: *справедливый / величайший / Чингиз-хан*

Д – золотые динары Самарканда [ГЭ] инв. №1364 (в=3,63 г, д=22) и №

1352 (в=6,43 г; д= 23,5 мм); Тизенгаузен, 1890, С. 15 (в=7,33 г; в=22 мм) ГЭ. В.Г. Тизенгаузеном год прочтен не был, однако, на одной из монет [ГЭ] после слова год четко видны слова *двадцать один* т.е., [6]21 г.х. (Марков, 1896, С. 437, № 1)

چنگیز خان/الاعظم /شاه جهان/کبیر

Чингиз хан / ал-'адил ал-'азам /шах джахан / кабир

Чингиз-хан /справедливый /величайший / повелитель мира / великий

По сути, *повелитель мира великий* – это калька титула *Чингиз хан*, который, видимо, не был понятен местному населению. То есть, это не новый титул. В коллекции ГЭ есть еще один динар Самарканда с титулом Чингиз-хан под инв. № 1353 (в=2,49 г; д=18 мм), но с другим вариантом расположения слов в легенде (здесь не приводится).

Е – медные посеребренные дирхемы Самарканда 624/1226–1227 г. (Давидович, 1972, С. 16, 26): چنگیز خان /Чингиз-хан.

Данные нумизматического источника документально удостоверяют принадлежность титула *хахан* Темучину, что подтверждает вывод В.В. Трепавлова (Трепавлов, 1993, С. 60–62). Соответствовал ли титул *хахан* (по-тюркски) титулу *каан* (по-монгольски) – такой вопрос возникает, и он требует особого исследования, поскольку титул *хахан* при Карахитадах, согласно данным Б.Д. Кочнева, соответствовал титулу *хан* [иногда в форме *кан*] (Кочнев, 2006, С. 28). И Махмуд ал-Кашгари в своем словаре «Диван Луга ат-Турк» сообщает о том же: «хан خان – “самый великий из их царей”». Так называют тех, кто принадлежит к роду Афрасибаба, т.е. *ал-хахан ...*» (ал-Кашгари, 2005, С. 857, №5404). Видимо, у монгол титулы *каан* и *хахан* (*каган*) воспринимались равнозначно. Причем, как отмечает В.В. Трепавлов, до прихода к власти Чингиз-хана титул *каан* не понимался монголами как высокий (Трепавлов, 1993, С. 60), и эту его изначально статусность на международном уровне подтверждают наблюдения Б.Д. Кочнева. Внимательное изучение употребления в монетных легендах терминов: *хан* – *хахан* и *кан* – *каан*, – еще предстоит провести.

То есть титулы *суптан*, *шах*, *падишах* – к имени Чингиз-хана реального отношения не имели. Не использовались эти титулы и последующими кванами – Угедем, Гуюком и Муинка! На их монетах читается титул *каан* (*кан*) *справедливый* (иногда и *величайший*). На упомянутой выше монете с именами Чагатая и Угедея титулов вообще не указано из-за малого размера монеты.

Итак, в титулатуре каанов и ханов улусов, чеканивших монету в период существования Монгольской империи (от Чингиз-хана до Мунка-каана включительно) ни один иерарх (возможно, кроме мусульманина Джусида Берке) не употреблял титулы и лакабы, характерные для мусульманской традиции. Отсутствие монет с титулом «суптан» не свидетельствует о том, что правитель улуса не является мусульманином (например, Берке).

В государстве Чагатадов (668/1269–1270 – 771/1369–1370 гг.) на монетах XIII – начала XIV в. за редчайшим исключением титулов правителей не зафиксировано. Так, на монетах Хорезма 706/1306 г. после имени Дувы без указания титула наблюдается два варианта титульной легенды: 1. *Туван / ал-'азам / ал-'адил* (величайший /справедливый); 2. *Туван / бек / ал-'адил* (справедливый) (Петров, 2003, С. 108, фото табл. 31).

Впервые имя на монетах ханата стало ставиться лишь при хане Келеке, причем титул Келека: 1. на дирхемах и серебряных динарах Бухары – *ал-хакан ал-'адил* (*справедливый*); 2. на динарах Самарканда – *хан ал-хакан ал-а-'зам / малик* (*ар-трибак ал-уман* (*хан хакан величайший, властитель народов*)).

Впервые мусульманский титул *Султан ал-а-'зам* был зафиксирован на серебряном анонимном дирхеме Отрара 728/1328 г. Именно по этому мусульманскому титулу отрарская монетная чеканка соотносена с именем мусульманина Тармаширина, а не Ильичкидая или Дура-Тимура (Birar, 2002, С. 746). Именно этот титул натолкнул профессора Иерусалимского университета Микаэл Бирани на мысль о том, что Тармаширин в эти годы стал мусульманином. Но эта чеканка, однако, не прибавляет уверенности в том, что Тармаширин в 728/1328 г. уже был ханом Чагатайского государства, но и не отрицает такой возможности. Единственным аргументом в пользу нахождения Тармаширина на верхней ступени власти в государстве может быть лишь слово *ал-а-'зам*, однако, этот факт не может быть признан достаточным. Монета анонимна, что нехарактерно для мусульманской традиции и формально это обстоятельство противоречит предположению о главенстве Тармаширина в эти годы. Но и этот аргумент не может быть признан полностью убедительным, поскольку все остальные чеканившиеся монеты в государстве также были анонимными. То есть чеканка анонимной монеты в Отраре могла кратковременно находиться «в плену» сложившейся традиции в ханате, в котором ислам не был государственной религией. Принятие ислама Тармаширином, видимо, произошло раньше, чем он в качестве главы ханата объявил о принятии ислама в качестве государственной религии. После этой декларации не все монетные дворы и не сразу изменили тип своих монет с буддийской символикой (изображалась чаще всего двойная ваджра) на титул монет с мусульманским символом веры. Этот процесс занял несколько лет, и он сопровождался, в том числе, и казусными выкупами, когда ваджра соседствовала с калимой на одной и той же стороне серебряных динаров. Наиболее полный титул и лакаб самого Тармаширина мы находим на продукции монетного двора, например, Самарканда 731/1331 г.: *хан ас-султан ал-'адил 'ала' ад-дуниа ва-д-дин* (=хан, султан справедливый величие мира и веры).

Но при этом Тармаширин не отказывался от использования и традиционных титулов: *ал-хакан ал-а-'зам* (*хакан величайший*), – как, собственно, и его преемник.

Именно с момента, когда Ислам был объявлен государственной религией, начинается регулярное помещение на монеты практически всех монетных дворов государства титула *султан ал-'адил* вместе с именем хана. Это положение наблюдается в правлении почти всех следующих за Тармаширином ханов (Петров, 2009, С. 305–317).

Исключение составили ханы Дженкиши и Йесун-Тимура, которые перенесли административный центр государства из Мавараннахра в Алмалык и во многих вопросах советовались с ламымаи. Согласно Муни ад-дина Натани, Дженкиши устроил в своей орде передние калпача, постоянно советовался с буддийскими жрецами (*бахшиями*) и «с их одобрения повелел во всех соборных мечетях Мавараннахра, Туркестана и Уйгуристана делать изображения идолов» (Султанов, 2006, С. 167; Бартольд, 2002, С. 163). На монетах Йесун-Тимура в Алмалыке и Бухаре

не регулярно помещалась ваджра. Надо полагать, что он был буддистом. Для этих двух ханов на монетах Алмалыка, Отрара, Бухары, Самарканда, Термеза и Бадахшана²³ мусульманского титула *султан* и лакабов не зафиксировано, а лишь: *хан ал-хакан ал-'адил*; *хакан ал-'адил ал-а-'зам хан* (Петров, 2009, С. 308).

Таким образом, присутствие титула «султан» и лакабов на монетах в государстве Чагатаидов очень четко фиксирует причастность хана к исламской религии. Исчезновение титула «султан» свидетельствует о том, что хан не является мусульманином.

Проанализировав ситуации с титулами на монетах в государстве Хулагуидов. Наиболее часто употребляемые титулы, относящиеся к имени Хулагу следующие: *хан*; *ильхан ал-му'аззам* (*возвеличенный*); *му'аззам*; *падишах* ...²⁴; *падишах* ... хан. Замечу, что титул *каан*²⁵ всегда употреблен со словом *ал-а-'зам* (*величайший*), а титул *ильхан* со словом *ал-му'аззам* (*возвеличенный*) (Diler, 2006, С. 233, 235, 249 и т.д.). У Абаги титулатура еще более разнообразна: *ильхан*; *ильхан ал-му'аззам*; *падишах* *зада дожан*; *падишах 'алим*; *падишах 'алим ильхан ал-а-'зам* (Diler, 2006, С. 259–260, 274–275 и т.д.). Титул *султан* появляется в титулатуре Ильханов впервые с приходом к власти Текудара (мусульманское имя Ахмад). При сохранении и активном употреблении уже известных титулов: *падишах 'алим ильхан ал-а-'зам*; *ильхан ал-му'аззам*, – появляются и такие конструкции – *ильхан ал-а-'зам султан* (например, на дирхеме Синджара (Diler, 2006, С. 290, № АБ–140)). Наиболее часто титул *султан* в отношении Ахмада встречается на золотых и серебряных монетах вассальных Салгуридов [правительницы Абиш б. Са'ад], а также на золотых динарах вассальных Кутлугханидов [Хормуза, 681 г.х. – *падишах 'алим султан* (Diler, 2006, С. 290, № АБ–144, 145, 150)]. Любопытно, что в первый год правления Аргуна (683/1284–1285 г.) не бывшего мусульманином, титул *султан* дважды зафиксирован на монетах: в Мосуле (*ас-султан Аргун / ильхан ал-му'аззам*) и в Йазде (*ас-султан ал-а-'зам / Аргун падишах ал-'адил*) (Diler, 2006, № АГ–202, АГ–221). Но это не более чем казус, связанный с незнанием титулов только что заступившего на престол Ильхана. На протяжении царствования Аргуна ни на одной монете многочисленных монетных дворов государства титула *султан* больше не зафиксирован. Не использовали этот титул и последующие правители: Кейхату (Иринчин Турчи) и Байду. И лишь при Газан-хане употребление этого титула на монетах вошло в правило и стало регулярным. Сделав ислам государственной религией, Газан-хан, тем самым, закрепил титул *султан* за всеми последующими правителями государства Ильханов, и это отразилось в монетных легендах.

²³ Анализ титулатуры Хулагуидов, также как и в отношении ханов государства Чагатаидов, продемонстрировал её чувствительность к

²³ Это все известное на сегодняшний момент монетные дворы, работавшие при Дженкиши и Йесун-Тимуре.

²⁴ Слово *падишах* встречается на монетах, битых вассалом Хулагу (Бадр ад-дином Лулу) в Мосуле. Титулатура на монетах размещена так, что трудно понять, относится ли титул *падишах рив* ... к персоне Хулагу, или это титул вассального атабека (имена обояк не указаны). Но если это титул атабека, то Хулагу на монетах вообще не упоминает, что маловероятно. Титул *падишах* мы еще раз встречаем на монетах Салгуридов (Абиш б. Са'ад). Но теперь уже перед именем Хулагу. Поэтому здесь этот титул отнесен к Хулагу.

²⁵ Этот титул к Ильхану не относится.

принятию ислама ханами. Из рассмотренных титулатурных конструкций, помещавшихся на монетах, можно однозначно заключить, что лишь титул «султан» и лакаб всегда отличали на престоле илхана мусульманина от буддиста, шаманиста или христианина. Другие титулы, как: *малик, падишах, шах или шаханшах*, – критерии для установления причастности правящего хана к исламу не являются. Регулярность и повсеместность использования в монетных легендах мусульманского титула хана (иногда с лакабом, иногда без лакаба, иногда одного лакаба без титула) всегда связана с утверждением ислама в качестве государственной религии. На этапе, когда ислам еще не стал общегосударственной религией, титул *султан* и лакаб хана-мусульманина появляются на монетах лишь отдельных монетных дворов ханата (иногда на самых центральных и важных, контролируемых администрацией хана, а иногда на монетных дворах, контролируемых вассальными местными судиянами мусульманами). Но приход к власти хана не мусульманина кардинально меняет титулатуру в монетных легендах, даже если ислам ранее был провозглашен государственной религией (титул *султан* исчезает).

Присутствующие в монетной легенде титулы «султан» и лакаб (вместе или порознь), однозначно соотносимые с именем хана улуса, являются надежным критерием, по которому можно отличить правящего Чингизида-мусульманина. Отсутствие этого титула и лакаба не всегда является свидетельством иной конфессиональной ориентации хана, то есть это не может быть признано критерием для установления не мусульманского вероисповедания хана.

Существуют примеры отсутствия титула *султан* и лакаба на монетах ханов-мусульман. Так на дирхемах (Хорезма, Болгара, Крыма, Сарая) Тула-Менгу, принявшего ислам (см. выше в разделе «Ислам среди Джучидов»; Кобитшанов, 2002, С. 27; Камалов, 2007, С. 63), и называемого иногда ханом-суфием, ни титула *султан*, ни лакабов, ни мусульманского имени, которое ему было дано халифом, не встречено. Но исключительно на монетах Крыма 683 г.х. простояла другая титул – *падишах ислама* (Лебедев, 1994, С. 5, 35, № с 4–6; Хромов, 2007, С. 23–27). То есть, нумизматический источник и в этом случае оказался способен подтвердить причастность хана Тула-Менгу к исламу. Приведенный пример, как и в случае с титулом *падишах ислама* на крымских монетах Берке, свидетельствует о том, что этот титул на монетах, несмотря на отсутствие титула *султан*, может указывать на принадлежность хана к мусульманской умме.

В книге С.Г. Кляшторного и Т.И. Султанова обращает на себя внимание общность обоснования времени принятия ислама ханом Узбеком (720/1320 г.), основанная на «анализе» титулатуры хана, помещаемой на монеты. Авторы пишут: «Примечательно, что и на монетах Узбек-хана, чеканенных с 721/1321–1322 гг., его полное имя пишется в форме «Султан Мухаммад Узбек-хан», а монеты, чеканенные в более раннее время, обычно содержат легенду: «Верховный Султан Узбек» (Кляшторный, Султанов, 2004, С. 236). Эти монетные легенды послужили главным аргументом при датировке момента принятия ислама султаном Узбеком 720-м годом хиджры³⁶. Для такого вывода авторам необходимо было

³⁶ Скорее можно полагать, что в 720 г.х. произошло либо принятие ислама в качестве общегосударственной религии, либо просто упорядочение монетного дела в соответствии с новыми общегосударственными конфессиональными реалиями. Трактовать

установить формальный признак хана-мусульманина, помещаемый на монетах, и уже затем проанализировать все выпуски монет хана Узбека на всех монетных дворах на предмет уточнения титулатуры хана. Как было показано выше, помещение на монете мусульманского имени хана не являлось обязательным атрибутом монетных легенд. Поэтому отсутствие такового имени на монете не является определяющим критерием для однозначного заключения! Например, на дирхемах в Хорезме мусульманского имени Узбек-хана на протяжении чеканки в период его правления не зафиксировано вовсе. Кроме того, самым надежным (безошибочным, как и мусульманское имя) указателем на принадлежность хана к исламу является титул *султан*, который сопровождает имя этого хана на всех монетах. Детальная же проверка титулатуры ранних выпусков монет этого хана, показала бы, что на монетном дворе Мохши, например, на серебряных дирхемах 713 г.х. кроме титула *султан* у Узбека помещен его лакаб *ghias ad-dunya wa-d-din* (*спаситель мира и веры*) (Пыров, 2002, С. 46, № 41), а на дирхеме 718 г.х. (там же, № 48) этот лакаб стоит, но в усеченном виде. Таким образом, фиксируется использование лакаба Узбек-хана на монетах одного монетного двора на протяжении нескольких лет (т.е. регулярно еще до 720 г.х.), что гарантирует нас от случайного его употребления в составе монетных легенд. Мог ли хан-Чингизид, не будучи мусульманином, носить титул *султан* с мусульманским лакабом, и помещать их на монетах? Ответ однозначно отрицательный! Конечно, этот хан Узбек был мусульманином уже в 713 г.х.

Дату 720 г.х. принятия ислама ханом Узбеком подтверждает и Г.Г. Галияхметова (Галияхметова, 2000, С. 54; Галияхметова, 2007, С. 80), опираясь на информацию, происходящую из источника «Шаджарат ал-атрак» (Из «Родословия тюрков», 1941, С. 206–207). Некритичное отношение исследователя к источнику повлекло за собой и непреклонную убежденность в релевантности сведений этого источника о времени принятия ислама ханом Узбеком. Во внимание даже не был принят давно известный факт существования в Солхате (ныне г. Старый Крым) мечети с надвратной резной (по камню) надписью с датой 714 г.х. и мусульманским именем хана, приказавшего выстроить эту мечеть: *хан Муламмат Узбек*. Сама мечеть не сохранилась, а старинный каменный дверной проем ныне украшает другую восстановленную мечеть Старого Крыма³⁷.

По нумизматическим данным можно констатировать, что Узбек-хан либо вступил на трон, будучи мусульманином, либо принял ислам практически сразу со вступлением на престол.

По какой же причине титул *султан* приобрел в представлениях монгольской верхушки такую неразрывную связь с исламом, его традициями? Этот титул являлся самым высоким из арабских титулов. Он впервые был встречен на монетах в 479/1086–1087 г. «в сочетаниях *султан ши-Шарк ва-с-Син* «султан Востока и Сина» и *улус султан ас-салатин* «великий султан султанов» (Кочнев, 2006, С. 22). О Колдринг зафиксировал его еще у Бувайхидов в сочетании слов *султан ад-дала* (403–412/1012–1021 гг.) (Codrington, 1904, С. 81; Босворт, 1971, С. 137). Султан – титул независимого светского правителя. «В Коране слово *султан* употребляется в первоначальном значении «власть», «могущество» однозначные изменения в репертуаре монетных легенд в Золотой Орде в 720 г.х. нет оснований.

³⁷ Об этом также писал М.Г. Крамаровский (Крамаровский, 2005, С. 66).

(14:10/11 – 12, 11/13; 15:42 и др.) в хадисах (в частности, в форме *султан* – тең Аллах на земле) и в повествовательных источниках (до конца X в.) – в значении «политическая власть», в том числе и власть халифа. ... только при Сельджукидах *султан* становится титулом, более высоким, чем малик или амир, чем-то вроде иранского шахиншаха»²⁴. Уже в XII в. под титулом *султан* подразумевали только светского правителя, в противовес лидеру духовному. Изначально считалось, что этот титул мог быть дан только халифом (Ислам, 1991, с. 213; Торвальд, 2001, с. 233). Султаном может называться правитель, под властью которого находится несколько маликов, то есть, он является «шарем-шарей», и у него не должно быть войска меньше десяти тысяч всадников; если же владений и войска у него больше, то его называют *ас-султан ас-а'зам* (султан величайший) – так гласила теория о достоинстве мусульманского государя, бытовавшая в Египте в конце XIII – начале XIV в. То есть, султаном мог быть назван мусульманский правитель по его могуществу, вне зависимости от его отношений к аббасидскому халифу (Бартольд, 2002б, с. 43). Думается, что эта теория была донесена до двора джучидского хана. Поэтому не удивительно, что эта титулатура мусульманских правителей явно ассоциировалась у Чингизидов с верховной властью в исламских традициях (закрепленных в Коране), почему и принималась ханами практически одновременно с принятием ислама.

В.В. Бартольд указывал, что «в последние столетия перед монгольским завоеванием тюркское *хан*, так же как арабское *милик* и персидское *шах*, употреблялись как княжеский титул в отличие от высшего титула государя – *султан*; позднее слово *султан* сохранило это значение только в Западной Азии и Египте; в Средней Азии в отдельных государствах, возникших после распада монгольской мировой империи, слово *хан* было собственно титулом государя, а слово *султан* – титулом каждого члена династии, происходившей от Чингиз-хана» (Бартольд, 2002а, с. 604). Однако из нашего исследования ясно, что титул *султан* в понимании Чингизидов был связан с принятием ислама и в XIV в. употреблялся регулярно в качестве мусульманского титула государя, а вовсе не как опознавательный индикатор: Чингизид – не Чингизид. Но даже при условии объявленного приоритета ислама приход к власти ханов не мусульман (Дженкин и Иесун-Тимур в государстве Чагатаидов) сопровождался уходом от использования титула *султан* безо всяких стеснений и колебаний со стороны власти. Возможно ли было такое в Золотой Орде? Не является ли этот факт особенностью политической ситуации в государстве Чагатаидов? Может быть это действительно особенностью ситуации в среднеазиатском ханате. Но в настоящее время мы не знаем наверняка, все ли ханы улуса Джучидов XIV в. (после Джангибек-хана), пришедшие во власть, были мусульманами (особенно в период заматни). Это вопрос особого исследования, но титул *султан*, начиная с Тохты, носили все без исключения ханы Джучидского султаната.

III. Помещение мусульманского имени, взятого ханом при принятии ислама, без сомнения является надежным критерием, отличающим мусульманского правителя. Этот аспект даже нецелесообразно особо рассматривать, ибо мусульманское имя дается при принятии ислама. Вопрос заключается лишь в том, что помещение мусульманского

²⁴ سلطان (султан) – мощь, сила; могущество, господство, власть; доказательство, довод; свидетельство; ... хан; султан, правитель (Гирев, 2006, с. 372).

имени не являлось обязательным атрибутом монетных легенд согласно мусульманской традиции. И очень многие монетные дворы, например, в улусе Джучидов не указывали мусульманские имена ханов Узбека, Джангибека, Бердибека и т.д. Но титул *султан ас- адийс* всегда сопровождал эти имена, и имена других ханов-мусульман.

IV. Признаком мусульманской монеты являются легенды, связанные с изречением. Типов таких легенд четыре: а. символ веры (иначе, калима); б. изречения, взятые из сурр Корана; в. упоминание имени халифа династии Аббасидов; г. благочестивые восклицания (инвокации).

Казалось бы, калима на монете – один из важнейших внешних атрибутов, «фиксирующих» принадлежность эмитента к мусульманской вере, совместно с именем, титулом или тамгой хана, по логике домонгольского исламского мира должна однозначно говорить о религии, исповедовавшейся этим иерархом или, как минимум, о государственной конфессиональной политике. Но ничего подобного мы утверждать не можем. На монгольских монетах калиму помещали не только на монетах мусульманских ханов, но и на монетах многих ханов, начиная с Чингиз-хана, заподозрить которых в приверженности к исламу невозможно. Присутствие на монетах с именем Илхана Абаги легенд: *Господь Бог Иисус Христос* (по-армянски) и *Во имя отца, и сына и духа святого, Бога единого* (по-арабски) (Пахомов, 1927, с. 147–148; Пахомов, 1970, с. 161–162), – вовсе не свидетельствует в пользу принятия христианства этим ханом. Отсутствие калимы на подавляющем большинстве дирхемов Джучидов (XIV в.) так же не свидетельствует в пользу отхода от ислама. Рассматривать здесь этот вопрос более подробно бессмысленно, поскольку можно привести огромное количество примеров, как из области куизматики, касающейся Монгольской империи, так и для монетного дела каждого из ханатов, однозначно свидетельствующих о непригодности этого «признака» в качестве критерия для выяснения конфессиональной приверженности хана.

Изречения, взятые из сурр Корана, регулярно размещались на монетах большинства мусульманских государств до монгольского завоевания. Эта традиция взяла свой старт еще в период существования Омаядского халифата. Аббасиды продолжили эту традицию, что превратило ее почти в закон, «указывающий» на обязательность присутствия коранических изречений в репертуаре монетных легенд всех мусульманских эмиратов. Но перед монгольским завоеванием эта традиция начала ослабевать и с продукцией многих монетных дворов разных династий Востока сурты из Корана «ушли». Причины этого здесь не рассматриваются, хотя можно предположить, что это связано с ослаблением и позднее с исчезновением светской власти багдадского халифа. Поэтому отсутствие в большинстве случаев выдержек из сурр на монгольских монетах не может рассматриваться в качестве признака чего-либо, кроме как продолжения сложившейся (уже к моменту монгольского завоевания) традиции в формировании репертуара монетных легенд. Лишь в монетном деле Хулагуидов изречения из Корана регулярно помещались на дирхемах при титулом Илхана, реже при Абаге, и еще реже в последующие времена (Diler, 2006, с. 233 и далее).

Упоминание на монете теорфорного имени халифа в домонгольский период было обязательным для мусульманской чеканки. Но с момента завоевания Чингиз-ханом Центральной Азии на монгольских монетах мы

часто встречается имя халифа аи-Насира (575/1179–1180 – 622/1225). Это имя регулярно помещается на продукции монетных дворов, например, в Чагатайском государстве вплоть до начала XIV в. (Давидович, 1972). Встречается это имя и на монетах, обращавшихся в Джучидском улусе в XIII в. Однако было бы неверно не упомянуть необычный период в монетном деле Центральной Азии. Монеты, о которых пойдет речь, не сохранили дат чеканки, но можно предполагать, что это были выпуски периода 620-х – 640 гг. Это необычные золотые динары, осмотренные П.Н. Петровым в коллекции г-на Ван Хайлина (г. Урумчи). На двух монетах (из почти 10 шт.) сохранились названия монетных дворов – *Херат, Тараз*. Здесь приведена фотография подобного динара, монетный двор на котором не читается однозначно: [От/Тараз(?)] [Та/Тараз(?)]²⁹ (см. фототабл., 2). На этих монетах в центре поля одной стороны крестом имени багдадского халифа *ал-Мустансир би-ллах амир ал-муминин* (623/1226 – 640/1242–1243) больше ничего не указано³⁰. На обратной стороне – калима. Чем был обусловлен выпуск подобных динаров в начальный период монгольского владычества – пока неясно, но такой нумизматический феномен, ранее не отмечавшийся, существует.

Исходя из известной информации о монетах Монгольской империи, Ильханского государства, Джучидского улуса и Чагатайского ханата, можно констатировать, что в период монгольского господства помещение имени здравствующего халифа Аббасидов на монетах окончательно утратило свою былую значимость и стало необязательным. Поэтому при выяснении вопроса о принадлежности хана к исламу эта часть мусульманских монетных легенд, помещаемых на монетах в его государстве, не является индикатором и не может служить критерием при решении поставленной задачи.

Благочестивые восклицания типа:

1. الملك لله الواحد القهار

ал-мулк Ли-ллах ал-вахид ал-кахар

власть [принадлежит] Аллаху Единому, Победоносному

2. الملك لله الحمد لله

ал-мулк Ли-ллах ал-хамду Ли-ллах

власть [принадлежит] Аллаху хвала Аллаху

3. العزة لله ورسوله

слава Аллаху и Его посланнику

и т.п. (Давидович, 1972, С. 111, 158; Евстратов, Гуманов, 2005, С. 196, № 4, 5, 8–12; Гуманов, 2004, С. 155, 156; Синигатуллина, 2003, С. 74–85), активно вошли в репертуар монетных легенд именно при монголах в XIII в. Для ильханских монет подобные изречения не характерны – калима стала обязательной легендой, помещаемой на монетах всех представителей этой династии с начала правления Хулагу-хана (Diler, 2006, С. 233 и далее). Наиболее часто благочестивые восклицания использовались в репертуаре монетных легенд Чагатайского и Джучидского ханатов. Но эти инвокации помещались на монетную продукцию в период

²⁹ Динар был осмотрен одним из авторов настоящей статьи П.Н. Петровым в составе частной коллекции г-на А.С. Александра (Россия).

³⁰ Хочется полагать, что здесь упомянут именно багдадский халиф, а не одноименный иракский (659–661 гг.). Однако этот вопрос следует в дальнейшем изучить особо, поскольку исторической и политической контексты появления имени ал-Мустансир на монетах в каждом из этих двух временных периодов – различны.

правления как мусульманских, так и не мусульманских ханов. Поэтому их присутствие или отсутствие на монетах также не может служить критерием при решении интересующего нас вопроса.

Присутствие на монетах калимы, коранических легенд и имени халифа, являющихся в домонгольское время непременным атрибутом и показателем принадлежности государства и государя к исламской религии, после монгольского завоевания теряют этот изначальный смысл и используются завоевателями бессистемно, и не всегда регулярно, обозначая тем самым лишь дань традиции.

В. Вопрос о принципах постановки тамг на монеты – большой, комплексный вопрос, который не может быть полноценно рассмотрен в рамках этой статьи. В результате проведенных П.Н. Петровым исследований можно лишь констатировать, что: 1. на монетах помещались только тамги Чингизидов; 2. тамги выполняли свою прямую функцию – являлись знаками собственности; 3. благодаря помещению на монеты, тамги приобретали новую функцию – политическую; 4. использовавшиеся личные тамги ханов закреплялись за троном и становились наследными (вместе с троном); 5. до принятия ислама в качестве государственной религии тамга являлась более важным атрибутом на монетах (фиксирующим принадлежность монетной регалии конкретному Чингизиду), чем написанное имя. Ислам в ранге государственной религии несколько изменил эту ситуацию.

Кроме того, следует отметить, что помещение тамги на предметы (и на монеты) являлось монгольской традицией. Если противопоставить ей мусульманскую традицию – помещение имен правителей, их титулы, то логично было бы рассмотреть вопрос о замене тамг на монетах именами ханов-эмигрантов в качестве возможного критерия причастности к исламу этих правителей, представлявших «золотой род».

Однако из рассмотрения нумизматического материала XIII – начала XIV в., относящегося к Великой Монгольской империи, улусам Джучидов, Чагатайдов и Утегидов (Ильханы, судя по всему, не имели права ставить свои тамги на монетах) можно заключить, что строгий юридический и неизменный подход существовал только в вопросе постановки тамг: Уход от постановки тамг на монеты в то или иное время в том или ином государстве был обусловлен конкретной внутривластной политикой правителей (Чингизидов), которая была подвержена изменениям. В результате менялись и мотивы, по которым где-то тамги прекращали ставиться на монеты, а где-то – продолжали. Видимо, динамичность в этом вопросе была обусловлена не столько политическими, сколько хозяйственными потребностями.

На монетах в Монгольской империи тамги ставились далеко не на всех монетах государства. Причем, по непонятным причинам некоторые современные историки без специального изучения проблемы считают, что на монетах должна стоять только и обязательно тамга каана и/или его имя. И объяснение этому находилось всегда «просто»: поскольку тамга это «знак принадлежности лица к княжескому роду» (Белуоский, 1995, С. 116), то монеты снабжались «родовой тамгой» (Варваровский, 2008, С. 29), следовательно «родовой» знак, как и герб, должен фиксировать власть первого лица государства (и только его) на монете. Это серьезное заблуждение! На монетах ставились тамги владельцев, собственников, которыми были разные представители «золотого рода». Поэтому есть

монеты с двумя, тремя и даже четырьмя знаками собственности. Тамга не была гербом, и ни один Чингизидский дом не имел своей единственной тамги. Тамг на монетах, битые с 630/1232–1233 по 658/1260 гг., встречено около десятка. Этот знак в первую очередь указывал на владельца, то есть имел «хозяйственное» значение. Монеты не сообщают нам, чем именно владел обладатель тамги (эмитент), но совершенно ясно, что любой характер владения в конечном итоге обязательно сводился к праву взимания налога (или его доли) в свою пользу. А какого именно налога (с чеканки монет, с населения этого округа, района, города и т.п.) – об этом нумизматический источник умалчивает.

В государстве Чагатаидов (668/1269–1270 – 771/1369–1370) тамга практически никогда не покидала поля монет (вне зависимости от вероисповедания хана или статуса ислама в государстве), за исключением самого последнего пятилетия своего существования. То есть говорить об отказе от использования тамги в обязательном порядке при принятии ислама ханом или даже при объявлении этой религии в качестве государственной – вообще не приходится.

В улусе Джучидов ситуация складывалась много сложнее. В Хорезме Мунгка-каан не позволял ставить Джучидам тамгу, но и свою тамгу не помещал на монетах. В Булгаре тамга Мунгка-каана после его смерти сменилась тамгой Ариг-Бути. В Крыму Берке ставил свою личную тамгу. С приходом к власти Менгу-Тимура ситуация с тамгами на монетах резко изменилась. На продукции всех монетных дворов (Хваризм, Булгар, Крым, Сарай) сразу и регулярно стала помещаться личная тамга Менгу-Тимура (ошибочно получившая название в исторической и нумизматической литературе – тамга «дома Бату»³¹). Традиция постановки тамг на монеты сохранилась и при последующих двух ханах – Тула-Менгу и Тула-Бути. Токта с первых же своих шагов в качестве хана изменил сложившуюся ситуацию. Некоторые монетные дворы прекратили размещать тамгу на своих монетах, а некоторые продолжали регулярно ее ставить. Поскольку это важный вопрос, он подробнее будет рассмотрен ниже. При хане Узбеке тамга используется в монетной чеканке все реже и реже, а при Джанибеке ее уже и вовсе нет. Джанибек таким отказом от размещения тамги на монетах декларировал полную централизацию власти в улусе на основе мусульманских традиций и законов³². Ногай и его сыновья были последними (до последней трети XIV в.), кому в улусе Джучидов было разрешено помещать свои личные тамги на монеты. С тех пор и до второй половины шестидесятых годов VIII в. х. никаких тамг, кроме знака собственности самого султана на монетах Джучидского улуса не появлялось.

Обнаруженная нестабильность мотивов в отношении системы не

³¹ Ни один дом, в том числе и дом Бату не имел тамги. Все эти тамги были наследными, закреплявшимися за троном. Термин «тамга дома Бату» был введен А.К. Марковым (Марков, 1905, С. 181). Без каких-либо специальных исследований вопроса тамгопоставления на монеты Н.П. Лихачев подделал А.К. Маркова и отписал: «Как имел тамгу дом Батых, так и дом Орды и Тула-Тимура должны были ее иметь» (Лихачев, 1930, С. 112).

³² Здесь речь идет о законах, связанных с оформлением крупных владений (держав), управлений ими, лоялизация в них и той долей самостоятельности, которая передавалась при этом владельцу.

поставки тамг на монеты верховной властью государства не позволяет рассматривать этот аргумент в качестве критерия, характеризующего причастность хана к мусульманской умме.

В ходе проведенного исследования установлены три надежных формальных критерия, которые однозначно указывают на исламское вероисповедание хана-эмитента. К ним относятся присутствующие на монете: 1. титул *султан*; 2. лакаб (почетное мусульманское прозвище); 3. мусульманское имя, взятое при принятии ислама. Следует особо подчеркнуть, что прежде, чем делать вывод о конфессиональной принадлежности хана, необходимо удостовериться в однозначности отношения помещенных на монету интересующих нас сведений именно к имени хана.

По этим трем критериям и проанализируем нумизматический материал всех известных в настоящий момент монетных дворов, работавших в период правления хана Токты.

В момент прихода к власти хана Токты в настоящее время фиксируется всего несколько монетных дворов, выпускающих серебряную продукцию: Крым, Булгар, Биляр, Сарай, Хваризм, Сакчи. Со временем количество эмиссионных центров меняется. Прекращает работу монетный двор Сарай и производственная нагрузка падает на Укек, начинают функционировать Маджар и Азак. Прекращает работу Укек (709 г.х.), открываются монетные дворы Мохиш и Сарай ал-Махруса. Информация об изменениях в титулатуре Токты, а так же об особенностях расположения тамг на монетах ханата сведена в таблицу (см. приложение 1).

Продукция монетных дворов Булгар и Биляр анонимная (часто анзиграфная) и без каких-либо титулов. Причем, датированные выпуски относятся лишь к 690 и 692 г.х., т.е. к началу правления Токты. Остальные дирхемы не содержат дат чеканки. Это серьезно осложняет хронологическую атрибуцию многочисленных типов, в том числе и анонимного дирхема Булгара с титулом *султан ал-дина*. Этот титул не может быть однозначно отнесен к Токте, поскольку его носил и хан Узбек. Дирхемы Узбека, битые до 730-х гг.х., среди болгарских выпусков четко зафиксированы: 1. анонимная датированная (728 г.х.) монета; 2. именной недатированный дирхем (см. Тростянский, Егоров, 2005, С. 31). То есть, дирхемы Булгара и Биляра не могут прояснить нам картину с персональной принадлежностью титула *султан* в их монетных легендах.

Тот же можно сказать и о чеканке в Сакчи – она не вносит определенности в вопрос: был ли Токта мусульманином³³. Известен один дирхем монетного двора *ал-Махруса(?) Сакчи* с титулом *султан*, но он не содержит года выпуска и имени эмитента (ZENO № 52995, см. фототабл., 10). В то же время существует тип монет, опубликованный Е. Оберландером:

³³ К величайшему сожалению Е. Оберландер-Тарковскому на монетах Сакчи вместо имени *Токтай*, которое четко и однозначно читается, прочел *Нулай* (см.: Бейтер, Дружинин, 2008), что естественно повлекло за собой огромное количество историко-филилогических интерпретаций по поводу особой важности этих нумизматических «данных» для подтверждения того, что Ногай являлся самостоятельным правителем, а его улус – самостоятельным ханством в правление хана Токты. Отголоски ошибочной и упорно отстаиваемой румыльским ученым атрибуции этих монет, встречаются и в современных историков (см.: Руеев, 2009, С. 92 и ссылка 25). П.Н. Петров не обнаружил ни одного дирхема Сакчи с именем, которое можно читать как *Нулай*. В Крыму один такой выпуск известен, и имя это написано совсем иначе (см.: Бейтер, Дружинин, 2008).

Тарифовану, который представляет собой особый, важный и интересный сюжет. Речь идет, о дирхеме с титулом *sultan* и лакабом *ala ad-din* (восточные варианты), битых в 699(?) г.х. (автор отнес чекан конкретно к выпускам сына Ногай — Чаки в Сакчи и без объяснений и указания причин прочел год как 696 г.х., однако, такое чтение по этому экземпляру не может быть признано однозначным) (Oberländer-Tárnoveanu, 1993, p. 298, pl. XXI, № 7–7a). На обратной стороне дирхема — калыма с именем Мухаммад, что совсем нехарактерно для выпусков монетного двора Сакчи или иных монетных дворов Подунавья.

Дадим описание этой монеты:

О.с. в поле картуша (точечный круговой ободок) в 3 строки:

علا الدين / جلاله
[س]ultan / ala ad-din / Чака тамга зарб

Под тамгой — виньетка.

Л.с. в поле картуша (точечный круговой ободок) в 4 строки:

الا لله الا الله محمد رسول الله (1) سنة ٩٦ / ٩٦
или так: ٩٦ / سنة (1) لله الا الله محمد رسول الله (1)

В четвертой строке перед цифрами года — следы перечекана (?).

Возможно, Е. Оберландер-Тарновеану посчитал, что от года на монете присутствует лишь две цифры ٩٦ (так бывает не редко), и для восстановления даты нужно дописать число сотен: [6]96 г.х. В этом случае легенда Л.с. будет выглядеть так:

الا لله الا الله محمد رسول الله (1) سنة ٩٦

Если год действительно 699 г.х., то в этот год Ногай находился в состоянии войны с ханом Токтой (Кобяшова, 2002, С. 43). Если год 696 г.х. — то этот выпуск был осуществлен в преддверии этой войны.

Возникает принципиальный вопрос: может ли вассальный правитель-мусульманин иметь (сохранить) свой титул *sultan* и использовать его в монетных легендах? Да, без сомнения может. И такие примеры есть и в ильханской нумизматике [Кутулхундид Сулеймангши (681–692 г.х.) в Кирмане и Хормуз (Diler, 2006, С. 292–293, № Аh–149 – 152)], и в чагатайской [вассальные Шахи Бадахшана ставили этот свой титул на монеты] (Петров, 2006). Поэтому теоретически помешение на монеты высшего мусульманского титула *sultan* возможно не только в том случае, когда Чингизид-мусульманин становится верховным правителем государства, но и в том случае, когда на это дана ханом соответствующая инвентура или в случае узурпации власти эмигрантом.

Поскольку соотнесение имен и титулов на монетных легендах не редко носит столь простой и очевидный характер, то есть необходимость в выяснении кому принадлежал титул на монете. Может ли этот титул относиться к имени (?) Чака? Владетель крупного улуса мусульманин Ногай (Костюков, 2009, С. 69) проводил самостоятельную внешнюю политику. Он активно переписывался с правителями других стран, обменивался посольствами, выставлял себя единственным поборником распространения ислама в улусе Джучидов. И очень сложно себе представить, чтобы высший государственный титул *sultan* и мусульманский лакаб на монете относились бы к имени его сына, а не к нему самому. Лишь с большой долей скептицизма можно предполагать соотнесение титула с именем Чака еще и потому, что расположение слов в монетной легенде (титул окказывается отделенным от имени эмигранта словом *чекан*) указывает на

сложности в такой трактовке. Такое размещение титула и имени никогда не фиксировалось в практике монетного дела ни одного из монгольских государств XIII–XIV вв. Если в легенде использовалось слово *чекан*, не относящееся к названию монетного двора, то оно всегда стояло перед титулом, за которым следовало имя его владельца, но не разделяло его. Здесь мы видим явное подчеркивание, что титул не относится к персоне, реализовавшей этот чекан. Султанский титул — высший государственный титул, и в это время он мог принадлежать только самому мусульманину Ногаю также как и лакаб.

Но Колин Хейлуд, ссылаясь на работу Е. Оберландера-Тарновеану (Oberländer-Tárnoveanu, 1987, С. 254), отмечает: «Он абсолютно прав, привлекая внимание к феномену совместного правления и к присвоению Ногаем титула хана»⁵⁴, к пожалованию им сыну Джекэ при своей жизни титула *sultan*» (Хейлуд, 2002, С. 137). Не касаясь сейчас вопросов о: титуле *хан*, был ли Ногай единственным ханом в улусе Джучидов, присвоил он себе этот титул, или он был пожалован ему Токтой ранее, — обратимся к безопаснейшему суждению обоих авторов в отношении отнесения титула *sultan* на монете к имени Чака. Уверенность авторов связана с тем, что ими не проводился анализ расположения имен и титулов разных персон (указанных односторонне на одной стороне дирхема) на монгольских монетах XIII в., а логика суждения опирается на представления о европейской чеканке. Но даже беглое рассмотрение нумизматического материала по каталогам монет Ильханов, Джучидов, Чагатайдов и Монгольской империи развеивает подобную уверенность (на эту особенность мы уже указывали выше). Конечно же, Чака не был равным Ногаю соправителем, и даже не имел титула *хан*! Видимо, ему просто был выделен удел в хуби Ногай. И по формальным признакам ничего необычного (нестандартного) с точки зрения законности, отношения к верховной власти в улусе Джучидовом со стороны Ногай (да первого вооруженного столкновения с Токтой) нумизматические памятники не фиксируют⁵⁵. Полные аналогии мы наблюдаем в монетном деле в государстве Джучидов (в Хорезме в 680–е гг.х.), Чагатайдов в конце XIII — начале XIV в. (на продукции многих монетных дворов), и в самой Монгольской империи XIII в. (например, в г. Имиле на Тарбугатае в 630–640-е гг.х.).

Кроме того, очень существенным в этом отношении является не просто год чеканки (696 или 699), но достоверный год гибели Ногай (разные историографы по-разному его фиксируют в своих трудах — и как 699, и как 700 гг.х.)⁵⁶. Если монета бита именно в 696 г.х., то титул *sultan* к имени Чака, наиболее вероятно, никакого отношения не имеет и принадлежит самому Ногаю. Если выпуск этого дирхема состоялся в 699 г.х., то

⁵⁴ В отношении присвоения Ногаем себе титула *хан* — проблематичный вопрос. Вернее всего титул был ему пожалован Токтой ранее, до их первого вооруженного столкновения. На это указывает арамыский дирхем (упоминавшийся выше) с именем Ногай и его титулом *хан*, и тамгой хана Токты на другой стороне монеты. Если бы титул был узурпирован и монета эта была бита в период разрыва отношений — тамга Токты на этой монете отсутствовала бы.

⁵⁵ Вопросы, связанные с тамгами на монетах и К. Хейлудом, и Е. Оберландером-Тарновеану трактуются в работе неверно (Хейлуд, 2002, С. 135), но это предмет другого рассуждения.

⁵⁶ Здесь мы не будем исследовать этот вопрос с тем, чтобы не уходить от темы.

принадлежность титула *султан* может быть приписана: 1. только к Ногаю в соответствии с функциями титула (политической игрой), если он еще не погиб к этому времени; 2. *султану Чаке* (если Ногай уже пал в битве с Токтой). Но тогда непонятно, почему у имени мятжего Чакы нет титула хана, который он должен был бы наследовать вместе с владением своего отца?

Особо хочется обратить внимание на два слова в легенде оборотной стороны монеты: 1. справа от тамги – *Чака*; 2. слева от тамги – слово *чекан*. Слово *чекан* почти всегда превращает название монетного двора, но на ильханских монетах он ставился нередко и *перед титулами* ильханов-султанов, указывая на смысловое сокращение: *чеканено в [дни правления] султана*. Позднее в XIV в. слово *дурба* перед титулом часто ставилось на монетах Еретнидов и других династий Малой Азии (Perk, Öztürk, 2008, p. 193–276 и далее). В данной монетной легенде кроме как со словом *Чака* слово *чекан* больше не имеет смысловой привязки ни с одним словом. Поэтому смысл написанного может быть истолкован двумя способами: 1. *чекан [в дни правления] Чака* (это полностью отсекает титул от имени Чака); 2. *чекан [города, области, района] Чака*. То есть, отожествление слова *Чака* с именем эмитента становится не столь очевидным и однозначным. Нельзя исключить, что именем сына Чаки мог быть назван один из населенных пунктов (или районов) западной части владения Ногай. Важно отметить, что в данном конкретном случае соседство имени Чака с тамгой вполне однозначно указывает на имя владельца этой тамги-оттятиныша от тамги Ногай.

Но кем бы ни был санкционирован выпуск этих монет (Ногаем или Чакой), однозначно отслеживается факт использования мусульманского титула и лакаба одним из успешных правителей «золотого рода», принявших ислам. Пока это единственный пример такого рода в нумизматической практике, обнаруженный нами в ходе данного исследования³⁷. Совершенно очевидно, что появление такого выпуска не было явлением обыденным, а явилось следствием чрезвычайных обстоятельств, обусловленных отношениями Ногай и Токты, а также внешней амбициозной политикой Ногай.

На монетах Сарая, Хорезма, Крыма и Азак в течение всего времени правления хана Токты устойчиво наблюдается один тип легенды, который не содержит титулов: *султан или падишах*. Нет в легендах и мусульманского лакаба хана. Но при этом следует учесть, что монетный двор Сарая прекратил чеканку серебряных монет если не в 699 г., то в 700 г.

Можно было бы посчитать, что первый намек на причастность к исламу Токты обнаруживается на монетах Маджара 710/1310–1311 г., где к имени хана подставлен персидский титул *падишах*. Но, как мы видели, этот титул сам по себе не является однозначным критерием для принятия нами решения по рассматриваемому вопросу. Тем более, что на монетах Азака 690-х³⁸ г.г. (когда Токта еще не был мусульманином) этот титул уже сопровождал имя хана (см. фототабл. 5).

Продукция Мохши 709 г.х. не содержит титулов *султан* или *падишах ислама*.

³⁷ Мысль Михал Биран о том, что Чагатайд Тармашириш начал использовать титул *султан* еще не будучи правителем государства крайне спорна (Biran, 2002).

³⁸ На монетах год «указан» шифрами и однозначно чтенно не поддается: «000». Не исключено, что в ходе обнаружения новых экземпляров монет будет обнаружен прототип дирхемов этого типа с четко читаемым годом. И нет уверенности в том, что это будет один из 690-х годов хиджры.

Однако на дирхемах Уека, датированных 706/1306–1307 и 707/1307–1308 г.г., имя хана сопровождается не только титул *султан*, но и лакаб *гисас ад-дин* (*спаситель веры*). Монетный двор Уека прекращает свою работу, видимо, в 709/1309–1310 г.г., а в 710/1310–1311 году (сейчас известны монеты с двумя датами на разных сторонах одной монеты: 708 и 710 г.г.) начинает функционировать новый монетный двор – *Сарай ал-Махруса* (*Сарай Богохранимый* = *Дворец Богохранимый*). На этом столичном монетном дворе при Токте начал выпуск новых высокопробных серебряных дирхемов, по двум весовым стандартам³⁹. Эти дирхемя озанменовали проведение монетной реформы в центральном домене (выдайте) улуса Джучидов. И на этих новых монетах отчетливо читается титул и урезанный лакаб хана Токты: *султан ал-а'зам гисас ад-дуния* (*султан величайший спаситель мира*). Совершенно очевидно, что к помещению лакаба на маленькие по размеру монеты улуса Джучидов резчики готовы не были. И именно по этой причине титул Токты с *полным* лакабом (*султан ал-а'зам ал-адил гисас ад-дуния в-ад-дин*) на монетах отсутствует, а на фракциях полновесного дирхема Сарай ал-Махруса указывался лишь расширенный титул без лакаба: *султан ал-а'зам ал-адил*.

Итак, по формальному признаку (критерию) – присутствию в монетных легендах у имени хана Токты титула *султан* и мусульманского лакаба, можно утверждать, что хан Токта принял ислам не позднее 706/1306–1307 г. Не исключено, что новая серия типов дирхемов Уека (706 г.х.) была выпята именно в честь этого события. Примечательным и не характерным явлением для джучидской нумизматики была чеканка с 706 по 709 г.г. фракций полновесного дирхема с тургой (ZENO, №24272 – 706 г.х. (в=0,36 г.); ZENO, №24273 – 709 г.х. (в=0,34 г.))⁴⁰. Чеканка монет производилась на, видимо, столичном на тот момент монетном дворе Уека, поскольку монетный двор Сарай к этому времени уже не функционировал. А новый столичный (именно!) монетный двор *Сарай ал-Махруса* в 710/1310–1311 г.г. начал чеканку дирхемов Токты в мусульманских традициях (монетный двор Уека к этому году прекратил своё существование, а резчик, видимо, был отправлен на монетный двор Мохши). Монета Сарая ал-Махруса начала выпускаться на регулярной основе (с одним и тем же повторяющимся годом – 710 г.х.). Отсутствие таковой (с титулом *султан*) чеканки на всех других монетных дворах Джучидского улуса вполне закономерно и объясняется тем, что ислам еще не был объявлен государственной религией. По этой причине, как мы видели на примерах других государств, султанские монеты производились лишь на некоторых монетных дворах. В данном случае этими монетными дворами были именно столичные монетные производства (сначала Уека, заменивший остановленное сарайское производство, затем Сарай ал-Махруса, который заступил на смену уекского).

И в заключении некоторые наблюдения за принципом размещения тамг на монетах хана Токты. Тамги на дирхемах Токты ставились в следующих эмиссионных центрах: Билляр, Булгар, Азак, Крым и Сакчи. Существует еще вполне обоснованное предположение, что в Болгарии (в районе Добруджи) тоже работал монетный двор – в одно из монетных точек тамга (в отношении монет: Лазаров, 2004, С. 3, № 1; Лазаров, 2008, С. 405–406).

³⁹ Пока известны две весовые нормы чеканки.

⁴⁰ В турсу слеплены два слова: *султан ал-а'зам*.

Нет совсем там на дирхемах: Сарая, Укека, Сарая ал-Махруса, Мохси, Уаджара и Хорезма. Что означает отсутствие там на монетах Токты в этих регионах, и в каких случаях тамга обязательно ставилась?

4. Изучая приведенные перечни монетных дворов можно очень четко сформулировать ответ на эти вопросы: 1. тамги не ставились на монеты центрального двайлата, входившего в личные владения хана (в улуз кулу); 2. тамги ставились на монеты удельных владений, представлявших собой самостоятельные административно-хозяйственные единицы (не входившие в личные владения хана!). Судя по всему, тамга на монетах традиционно выполняла задачу указателя на имя основного собственника того малого улуса, который был передан в держание кому-то из Чингизидов (а, возможно, не только Чингизидов). По сути, так была зафиксирована централизация хозяйственной власти в руках хана Джучидского улуса.

Заключение

Проведенный в статье анализ нумизматического источникового материала наглядно свидетельствует о смене конфессиональной ориентации хана Токты не позднее 706/1306–1307 г., т.е. после подавления сепаратизма Ногай и его потомков, а также установления его единоличной власти в Орде. Результаты анализа нумизматического источника подтверждают данные арабского историографа ал-Муфаддала о мусульманстве хана Токты, но вместе с тем и не опровергают сообщения других арабских авторов об идолопоклоннической вере этого правителя, поскольку до 704 (?) г.х. (по данным средневековых источников) он, видимо, не имел отношения к мусульманской умме. Совершенно очевидно, что авторы разных (перечисленных выше) нарративных источников, сообщавших о вероисповедании Токты, черпали свою информацию из одного или нескольких источников, касавшихся раннего периода правления этого Джучида. Скрупулезного же критического источниковедческого анализа этих письменных источников по освещаемому вопросу никто из исследователей не проводил, считая, что фактора многократного повторения разными авторами информации о буддийском или шаманистском вероисповедании Токты вполне достаточно. В результате в историографической литературе укоренилось противоречивые мнения о Токте, как о идолопоклоннике, буддисте или шаманисте, но не мусульманине.

Таким образом, можно говорить об еще одном хане улуса Джучидов как о мусульманине, что позволит на наш взгляд по-новому взглянуть на некоторые аспекты политического развития этого государства в правление Токты.

Приложение 1. ТИТУЛЫ И ТАМГИ НА СЕРЕБРЯНЫХ ДИРМЕХАХ ХАНА ТОКТЫ

Монетный двор Мохси

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
709	нет	нет ал-адил	Токту бек	1 (С. 91–93); 2 (в печати); 8 (С. 204, № 63)

Монетный двор Укек

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
Не явлен или не указывался	нет	нет	анонимная	3 (С. 69, № 88); 8 (С. 203, № 60)
	нет	нет	анонимная	8 (С. 203, № 57); 9 (С. 127, № 246–248)
Год не указан	нет	Султан ал-азам ал-адил	Токтогу (уйгурский)	4 (С. 157, №12)
	нет	Султан ... ал-адил	Токтогу (уйгурский)	8 (С. 202, № 55)
706	нет	Султан ал-азам гийас ад-дил	Токтогу (уйгурский)	3 (С. 69, № 89); 8 (С. 202, № 52); 9 (С. 127, № 249). см. фото табл. 8.
707	нет	Султан ал-азам гийас	Токтогу (уйгурский)	8 (С. 202, № 53); 9 (С. 128, № 250).

Монетный двор Хваризм

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
690**	да	нет	анонимный	10
691	нет	нет ал-адил	Токту бек	10
693	нет	нет ал-адил	Токту бек	10
694	нет	нет ал-адил	Токту бек	11 (С. 181, тип 4)
695	нет	нет ал-адил	Токту бек	11 (С. 181, тип 4)
696	нет	нет ал-адил	Токту бек	11 (С. 181, тип 4)
698	нет	нет ал-адил	Токту бек	11 (С. 181, тип 4)
699	нет	нет ал-адил	Токту бек	11 (С. 181, тип 4)
700	нет	нет ал-адил	Токту бек	11 (С. 181, тип 4)
701	нет	нет ал-адил	Токту бек	11 (С. 181, тип 4)
703	нет	нет ал-адил	Токту бек	12 (С. 114, № 10X)
706	нет	нет ал-адил	Токту бек	11 (С. 181, тип 5); 12 (С. 113–114)

707	нет	нет ал-адил	Тоқтау бек	11 (С. 181, тип 5); 12 (С. 114)
708	нет	нет ал-адил	Тоқтау бек	11 (С. 181, тип 5); 12 (С. 114)
709	нет	нет ал-адил	Тоқтау бек	11 (С. 181, тип 5); 12 (С. 113-114).

690** – видимо чеканка Тоқты в Хорезме началась с 691 г.х. или в самом конце 690 г.х. (возможно еще найдутся дирхамы с именем Тоқты 690 г.х.). Этот же выпуск относится к чекану предшественника Тоқты хана.

Монетный двор Сарай

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
Не виден или не указывался	нет	нет ал-адил	Тоқтау	3 (С. 65, № 6, 12)
	нет	нет ал-адил	Тоқтау бек?	3 (С. 65, № 14); 8 (С. 201, № 41).
690	нет	нет	Тоқтау (уйгурский)	8 (С. 197-198, № 16, 17); 9 (С. 124, № 233)
691	нет	нет	Тоқтау (уйгурский)	4 (С. 155, № 5); 8 (С. 198, № 18, 19); 9 (С. 124, № 233 а-234)
	нет	нет ал-адил	Тоқтау бек	8 (С. 198, № 20); 9 (С. 125, № 235) см. фототабл. 6.
692	нет	нет	Тоқтау (уйгурский)	8 (С. 198, № 21); 9 (С. 125, № 236)
693	нет	нет ал-адил	Тоқтау бек	8 (С. 198, № 22-24, С. 199, № 26); 9 (С. 125, № 237)
694	нет	нет ал-адил	Тоқтау бек	9 (С. 125, № 238)
696	нет	нет ал-адил	Тоқтау бек	4 (С. 156, № 8); 8 (С. 199, № 28); 9 (С. 125, № 239)
	нет	нет ал-адил	Тоқтау бек	8 (С. 200, № 32)
699	нет	хан ал-адил	Тоқтау бек	3 (С. 69, № 87); 4 (С. 156, № 6, 9); 8 (С. 200, № 33-36)
	нет	стерто	стерто	8 (С. 201, № 42)
Недатированные*	да	Тип с именем ал-Насира (хартуш – 6-ти конечная звезда)		8 (С. 201, № 38, 39)
	нет	Тип с именем ал-Насира (хартуш – 6-ти конечная звезда)		8 (С. 201, № 40)
	нет	Тип с именем ал-Насира (хартуш – круговые обложки)		8 (С. 201, № 40)

Недатированные* – это, судя по всему, памятные выпуски монет, возможно, в честь начала чеканки в Сарай при Менгу-Тохтае. Эти монеты, естественно, не используются в анализе.

Монетный двор Сарай ал-Махруса

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
708 / 710	нет	Султан ал-азам ал-адил	Тоқтау (уйгурский)	Частные коллекции в России
710	нет	Султан ал-азам ал-адил	Тоқтау (уйгурский)	3 (С. 67, № 19); 8 (С. 204, № 65)
	нет	Султан ал-азам гияс ад-дунья ... ал-адил	Тоқтау (уйгурский)	8 (С. 204, № 64) см. фототабл. 9.

Монетный двор Булгар

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
690	да	нет	Анонимные	9 (С. 85, № 60)
692	да	нет	Анонимные	9 (С. 86, № 61-62)
Не указан	да	нет	Анонимные. Точное отнесение типов к хану Тоқтае в настоящее время невозможно	9 (выделить невозможно)
Не указан*	да	Султан ал-адил	Анонимные	9 (С. 116, № 202)

Не указан* – Поскольку год не указан, то невозможно понять, относится ли этот дирхам к выпускам Тоқты или Узбека (именной дирхам Узбека давно известен).

Монетный двор Биляр

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
692	да	нет	Анонимные	9 (С. 121, № 219-220)

Монетный двор Крым*

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
690	да	хан ал-адил	Тоқта	7 (С. 6, № c10)
692	да	хан ал-адил	Тоқта	ZENO № 71643
693	да	хан ал-адил	Тоқта	7 (С. 6, № c11)
695*	да	хан ал-адил	Тоқта	см. фототабл. 4.
696	да	хан ал-адил	Тоқта	7 (С. 6, № c9)
697**	да	хан ал-адил	Тоқта	13 (С. 142); 14 (С. 132, №11)
698	да	хан ал-адил	Тоқта	7 (С. 6, № c15)
700	да	хан ал-адил	Тоқта	7 (С. 6, № c16)

704***	да	хан ал-адил	Токта	ZENO, № 77653
707	да	хан ал-адил	Токта	7 (С. 6, № 17)
Недатированные	да	хан ал-адил	Токта	ZENO № 73121

Крым* – в этой таблице учтены только монеты с теми годами, чтение которых однозначно (кроме годов 690, 696 и некоторых типов 695). Существуют публикации, в которых авторы указывают даты, например: 691, 695 и 696 г.г. (Шенк, 1960, р. 271), однако, проверить эту датировку невозможно либо из-за очень плохого качества изображения монет на фотографии, либо из-за полного их отсутствия.

695*, 690 и 696 – В.П. Лебедев отметил существование 695 г. [7 (С. 6, № 13)], однако, из-за датировки монет, основанную лишь на присутствии изображения «оба под тамгой», стоит признать сомнительной. Позднее точка зрения Валентина Петровича была изменена и к 695 году он причислил все монеты, на которых год указан тремя цифрами – 995, а к 690-му – только в годном из двух цифр – 6 и 9. К.К. Хромов на основании раскладки монет в хронологическом порядке по картам считает, что некоторые монеты, причисляемые к 690 г.х. на самом деле по виду картуша являются дирхемами 695 г.х. Здесь публикуется однозначно датированный монета с годом 59 (~695 г.х.). Существование этого дирхема имеет неопределенность в датировку монет двумя цифрами 69, поскольку по логике можно к 69 добавлять в конце не только «оба-единица», но и «оба-один» (как в случае с годом «59»), то есть год может читаться и как 696 и как 690 г.х. То есть, существование дирхем Крыма 690 или 696 г.х. налицо, однако непонятно, какой из этих двух годов указан на монетах. По этой причине в таблице эти даты выделены жирным шрифтом! Видимо в будущем этот вопрос удастся разрешить только с помощью анализа штемпельных связей этих монет.

697** – в публикациях без описания, но эти дирхемы по содержанию надписей не отличаются от аналогичных дирхем других годов выпуска.

704*** – даты на монетах «694а» и «696а» [см. 7 (С. 6, № 12 и 14)] ошибочно прочтены, это искажено написанный год 704 г.х.

Монетный двор Азак

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
неясен	да	подпись ... ал-адил	Токта	см. фото табл. 5.

Монетный двор Маджар

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
Недатированные	нет	нет ал-адил	Токту (хан или бек?)	3 (С. 65, № 13)
	нет	нет ал-адил	Токту бек	6 (С. 123, № 1а)
	нет	нет ал-адил	Токту бек	6 (С. 123, № 2а-ж)
710	нет	надпись ... ал-адил	Токтуун (патрбца)	6 (С. 125, № 3а-в)

Монетный двор Сакчи

Год хиджры	Тамга	Титул эмитента	Имя эмитента	Литературный источник
690	да	нет ал-адил	Токта	5 (С. 142, III тип).
	да (2)	хан ал-адил	Токта	5 (С. 142, I тип); 2/ 40107, 76584, 45017.
Недатированные	да (1)	хан ал-адил	Токта	5 (С. 142, II тип); 2/ 76493. см. фото табл. 7.
	нет	Султан ал-адил хан	Аленинанди?	2/ 52995. см. фото табл. 10

Недатированные* – фрагмент дирхема, поэтому легенда может быть неполной.

Литературные источники:

- 1 – Рева, 2007.
- 2 – Гумаионов, Лебедев, (в печати).
- 3 – Гумаионов, 2002.
- 4 – Гумаионов, 2004.
- 5 – Бейтер, Дружинин, 2008.
- 6 – Гумаионов, Лебедев, 2006.
- 7 – Лебедев, 1994.
- 8 – Евстратов, Гумаионов, 2005.
- 9 – Сингапуллина, 2003.
- 10 – Петров, Белая, (в печати).
- 11 – Федоров-Давыдов, 1965.
- 12 – Петров, 2003.
- 13 – Петров, Студитский, Сердюков, 2005.
- 14 – Федоров-Давыдов, 1960.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Абул-Гази Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Стилли Лен-Пуль. Музейальманские династии. Москва; Ташкент; Бишкек, 1996.

Из летописи Бадр ад-дина ал-Айни // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнение и комментарии Б. Е. Кузьмова, А. К. Музинова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». Т. 1.). А., 2005.

Из «Илд ал-джуан» Блар ад-дина ал-Айни // История Казахстана в арабских источниках. Т. III. Извлечения из сочинений XIII–XVI веков / Отв. ред. А. К. Музинов. Сост., перевод с арабского из., введ., коммент. А. К. Музинова. А., 2006.

Арсихин Е.В., Студитский Я.В. О генезисе некоторых типов монет Крымско-Азакского круга // Труды МНХ-П. Муром, 2003 г. М., 2005.

Из летописи Ибн Шибк ал-Асади // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнение и комментарии Б. Е. Кузьмова, А. К. Музинова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». Т. 1.). А., 2005.

Алижонанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. А., 1995.

Из летописи Рузи ад-дин Байбурсы // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнение и комментарии Б. Е. Кузьмова, А. К. Музинова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». Т. 1.). А., 2005.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.

Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.

Бартольд В.В. Халиф и султан // Бартольд В.В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 2002б.

Бейтер В.М., Дружинин Е.Г. Дирхемы Сакчи конца XIII в. // Труды МНХ-V. Волгоград, 2006 г. М., 2008.

Белоусов С. Монетный двор города Маджар // Страницы истории Волго-Донья.

Из летописи Шайха ал-Бирали // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Куменова, А. К. Музынова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Босворт К.Э. Мусульманские династии. М., 1971.

Вараарский Ю.Е. Распад Улуса Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.

Васильев Д.Д. Становление государственности и исламизация раннесредневековых тюркских кочевников // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции. 10–11 апреля 2003 г. М., 2003.

Васильев Д.В. Погребальные памятники центральных областей Улуса Джучи: к вопросу об исламизации населения Золотой Орды. Автореферат канд. дисс. Казань, 2007.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007а.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археологическое исследование). Астрахань, 2009.

Из «Истории Вассифа» // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М., Л., 1941.

Галияхметова Г.Г. Религиозные традиции в Золотой Орде в первой половине XIV в. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Материалы научной конференции. Казань, 2000.

Галияхметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань, 2007.

Гиргас В.Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. (Переводное «Словарь к Арабской хрестоматии и Корану», Казань, 1881). М.; СПб., 2006.

Гончаров Е.Ю. Новое имя в нумизматике Крыма XIII века // Тезисы докладов. XIV Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2007.

Гончаров Е.Ю. Восточная нумизматика Херсона (Вторая половина XII – первая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. Вып. VII. СПб., 2009.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. Изд. 2-е. Предисловие В.Трепавлова. М., 1998.

Гуманов С.В. Нумизматический материал XIII–XIV вв. Саратовская область. Часть 1. Монетные сборы с Хмельского селения // ДДПР. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 2002.

Гуманов С.В. Нумизматический материал XIII–XIV вв. Саратовская область. Часть 2. Монетные сборы с Кондаковского селения // ДДПР. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.; Нижний Новгород, 2004.

Гуманов С.В., Лебедев В.П. Серебряные монеты Мохли на ордынских памятниках Саратовского региона // Доклад на МНК–VII. Бахчисарай, 2008 г. В печати.

Гуманов С.В., Лебедев В.П. Обзор маджарского чекана хана Токты // Труды МНК–V. Волгоград, 2006. М., 2008.

Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М., 1972.

Из «Насировых разрядов Джужалин» // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М., Л., 1941.

Естратов И.В., Гуманов С.В. Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укее в XIII – нач. XIV вв. // Труды МНК–II. Муром, 2003 г. М., 2005.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Жандарбек З. Исламский тарикаты жаше Алтын Орда мемлекетин курылымдык жүйеси // Shygys, 2005. № 1.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XV вв.). М., 1966.

Из летописи аз-Захи // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Куменова, А. К. Музынова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Из сочинения Ибн Абд аз-Захи // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Куменова, А. К. Музынова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Из описания путешествий Ибн Батуты // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Куменова, А. К. Музынова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Из летописи Ибн Касира // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Куменова, А. К. Музынова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Из летописи Ибн Халдуна // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Куменова, А. К. Музынова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Иванов А.Н. К вопросу о причинах принятия ислама золотоордынским ханом Берке // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань, 2009.

Из биографии Султана ал-Малика ал-Мансура Калаука // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Куменова, А. К. Музынова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Из «Родословия тюрков» // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М., Л., 1941.

Измайлов И.И. Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы историографии и источниковедения // Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран: исторические, культурные, политические и экономические связи. Саратов, 2003.

Ислам 1991 – Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Из сочинения ал-Калкашанди // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Куменова, А. К. Музынова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань, 2007.

Махмуз ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. А., 2005.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

- Кобишанов Ю.М. Исламизация Джучидов // Очерки истории распространения Исламской цивилизации. Т. 2: Эпоха великих мусульманских империй и Каирского аббасидского Халифата (середина XIII – середина XIV в.). М., 2002.
- Костюков В.П. Историям в легенде об обращении Узбека в ислам // Золотоордынское наследие. Материалы Междунар. науч. юнф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.) 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009.
- Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран / ред. кол. С.Г. Кашигорый (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трещалов / Ин-т восточных рукописей РАН, М., 2009а.
- Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Карахандидского каганата (991–1209 гг.). Часть 1. Историко-ведическое исследование. М., 2006.
- Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб, 2005.
- Курапов А.А. Буддизм в Астраханском крае: веки истории // Буддизм России. 2005. № 41.
- Курапов А.А. Начальный этап истории буддизма в Нижней Волге // Астраханские археологические чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова. Астрахань, 2009. Вып. 1.
- Лазаров Л. Монеты на Златата Орда от фонда на дългопосажа и провадийски музеи // Нумизматични проучвания и материал. Ч. 5. 1999. Търново, 2004.
- Лазаров Л. Неопубликовани джучидски монети от фонда на Варненския археологически музей // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историката на Черноморското крайбрежие. (Международна конференция, Варна, 2005). Acta Musei Varnaensis. VII – 1. Варна, 2008.
- Лебедев В.П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода // Нумизматический сборник МНО. № 3. М., 1994.
- Линевич Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики // Труды музея палеографии АН СССР. Т. II. Ленинград, 1930.
- Из сочинения ал-Макризи // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Кузнецова, А. К. Музимова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.
- Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И. Религия в Золотой Орде. Саратов, 1998.
- Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
- Марков А.К. О монетах хана Ногай // Труды Московского нумизматического общества. Т. III, Вып. 2. М., 1905.
- Музимова А. Деятельность ученых-узлов из Ирана в Золотой Орде // Материалы Международного круглого стола «Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кельчак в XIII–XVIII вв. (Алматы, 11–12 марта 2003 г.). А., 2004.
- Музимова А.К. Введение // История Казахстана в арабских источниках. Т. III. Извлечения из сочинений XIII–XVI веков / Отв. ред. А. К. Музимова. Сост., перевод с арабского яз., введ., коммент. А. К. Музимова. А., 2006.
- Из сочинения ал-Муфаддала // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Кузнецова, А. К. Музимова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.
- Мыслюев Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.

- Из энциклопедии ан-Нувайри // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Кузнецова, А. К. Музимова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.
- Пахомов Е.А. О нескольких медных монетах, чеканенных в Армении в XIII–XIV вв. // Известия Кавказского историко-археологического института. Т. VI. Тифлис, 1927.
- Пахомов Е.А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.
- Петров П.Н. Бадахшан XIII–XIV вв. под властью монгольских ханов // ЗВОРАО. Новая серия. Т. II (XXVII). СПб., 2006.
- Петров П.Н. Хронология правления ханов в Чагатайском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.
- Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Нижний Новгород, 2003.
- Петров П.Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII–XIV вв. как знаки собственности // Труды МНК–И. Муром, 2003 г. М., 2005.
- Петров П.Н., Белая В.А. Клад хорезмийских дирхемов конца XIII в. из Афганистана // Доклад на МНК–VI. Азов, 2007 г. В печати.
- Петров П.Н., Студитский Я.В., Сердюков П.В. Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г.к. Кубанский клад времени Узбека-хана // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. I МНК – Саратов 2001 и II МНК – Муром 2003. (ИВ РАН, Москва). М., 2005.
- Почкаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.
- Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань, 2002.
- Ракушин А.И. Мусульманство у золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья в XIII–XV вв. Автореферат канд. дисс. Саратов, 1998.
- Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Книга вторая. Перевод с персидского О. И. Смирновой. Прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. Ред. проф. А. А. Семенова. М.; Л., 1952.
- Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. Перевод с персидского Ю. П. Верховского. Прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. Ред. проф. И. П. Петрушевский. М.; Л., 1960.
- Рева Р.Ю. О начале монетной чеканки в Мокши // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург. Гатчина. Апрель, 2007. Тезисы докладов. СПб., 2007.
- Путешествия в восточные страны Плавио Карини и Гильома де Рубруа. А., 1993.
- Ручев Н.Д. Золотая Орда на Нижнем Дунае // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань, 2009.
- Северова М.Б. И снова о монете с именем Ногай, а так же о редкой крымской монете с двумя тамгами // Десятая ВНК. Псков, 2002. Тезисы докладов. М., 2002.
- Сейфеддин М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Кнiga I. Баку, 1978.
- Сингуляева А.З. Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. Казань, 2003.
- Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
- Тизенгаузен В. Восточные монеты Н.П. Линевича. Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества. Т. IV. 1890.
- Торваль И. Мусульманская цивилизация. М., 2001.
- Трещалов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Тростянский О.В.; Егоров Э.Н. Анонимные и асигнационные монеты Бугара XIII-XIV вв. // Труды МНКА. Саратов 2001. М., 2005.

Из сочинения Ибн-Фадлаллаха ал-Умары // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. П. Тизенгаузеном. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Кузеева, А. К. Муминова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Усманов М.Г. Этапы исламизации Джучево-Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII-XVI веков // Духовенство и политическая жизнь в Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М., 1960.

Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма Золотоордынского периода // НЭ. Т. V. М., 1965.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Из летописи Ибн ал-Фурата // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Дополненное и переработанное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Кузеева, А. К. Муминова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». 1 т.). А., 2005.

Хейяд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногай и Джучи // Историко-введение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223-1556. Казань, 2002.

Хромов К.К. Монеты западной части улуса Джучи. Часть I. Ярмарки Крыма. Раздел 1. Серебряные монеты, чеканенные до правления хана Токту // Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций, Ч. II. Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII-XV вв. Киев, 2007.

Шуджон М. Взгляд на влияние ислама в Дашт-и Кипчаке // Материалы Международного круглого стола «Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII-XVIII вв.». (Альматы, 11-12 марта 2003 г.). А., 2004.

Album S. World Coins. Catalog price. № 222. March, 2007.

Biran M. The Chaghadaiids and Islam: The Conversion of Tarmashürin Khan (1331-34) // Journal of the American Oriental Society. Vol. 122, No. 4, (Oct. - Dec., 2002).

Codrington O. A Manual of Musalman Numismatics. London, 1904.

Diler Ömer. İkhans Coinage of the Persian Mongols. İstanbul, 2006.

Iiescu O. Monede Tătărăști Din Secolele XIII-XV, Găsite pe Teritoriul Republicii Populare Române // Studii Și Cercetări de Numismatică. Vol. III. București, 1960.

Oberländer-Tárnoveanu E. Numismatical Contributions to the History of the South-Eastern Europe at the End of the 13th Century // Revue Roumaine d'Historie. XXXVI/3. 1987.

Oberländer-Tárnoveanu 1993 - Oberländer-Tárnoveanu E. Un Alelier Monétaire Inconnu de la Horde d'or sur le Danube: Sâqçy-Isaccea (XIIIe - XIVe siècles) // Proceedings of the XI-th International Numismatic Congress (Brussels, 1991). Extrait du Volume III. Louvain-la-Neuve, 1993.

Perk H., Öztürk H. Eretmid Burhanid and Amirate of Arzinjan (Mutahharten) Coins. İstanbul, 2008.

Richard Jean. La conversion de Berke et les debuts de l'islamisation de la Horde d'Or // Revue des Etudes Islamiques. Vol. 35 (1967).

Sourdrel D. Inventaire des Monnaies Musulmanes Ancienes du Muséy de Cadoul. Damas, 1953.

Spengler W.F. Hoard of Genghis Khan Gold Dinars Recalls Calamitous History // ONS Newsletter. № 147, 1996.

The Zeno Oriental Coins Database: www.zeno.ru.

Түйін

Көптеген зерттеушілердің көпестігі мәселесі батыс жорығына қатысқан монғол әскерлерінің сан мөлшері. Монғол батыс жорығындағы әскерлердің сан мөлшерін анықтауда зерттеушілер тұраи әдістерді қолданады. Көптеген есептеулер көпестікшілердің жылжуына байланысты негізгі тұспыққа жүгінесе, кейбіреулері сыртқы факторларға ман береді. Ішкі факторлардың әрекеттеріне жүгінесе, монғол әскерлерінің саны батыс жорығында шамамен 30 - 70 мың аралығында болған деген тұжырым жасайды. Мақала авторлары монғол әскерлерінің санын есептеудің тұраи әдістерін көрсетеді, сонымен қатар монғол империясының ішкі факторларының негізінде батыс жорығына қатысқан әскер санының мөлшеріне өзіндік баға береді.

Summary

The matter considered in the article about confession of Tokhta-khan of Gold Orda (ruling years 690/1291 - 712/1312-1313). The authors of the article on the base of analysis of written sources, historiography and numismatic data consider that Tokhta-khan accepted Islam not late of 706/1306-1307.

- 1 – Золотой динар с титулом Чингиз-хан. Газна, 618 г.х. (Частная коллекция г. А.С. Александрова, Россия). 2 – Золотой динар с именем халифа ал-Мустансира. [Та]раз(?) или [От]рар(?). $v=3,77$ г; $d=20,5-22$ мм. (Частная коллекция г. А.С. Александрова, Россия). 3 – Серебряный дирхам (йармак), анонимный. Крым. Тамга Берке. $V=2,03$ г; $d=22-23$ мм. (Частная коллекция в России). 4 – Серебряный дирхам, Токта-хан. Крым, 59 (=695) г.х. (Частная коллекция в России, находка под Азовом). 5 – Серебряный дирхам, Токта-хан. Азак, год неясен (690-е гг.х.). (Частная коллекция в России, находка под Азовом). 6 – Серебряный дирхам, Токта. Сарай, 691 г.х. 7 – Серебряный дирхам, Токта-хан. Сакчи, год не указан (690-е гг.х.). $v=1,38$; $d=18,5$ мм. (см. Бейтер В.М., Дружинин Е.Г., 2008, тип. II). 8 – Серебряный дирхам, султан Токта. Уак, 70[6] г.х. $v=1,53$ г; $d=15,8-17,1$ мм. 9 – Серебряный дирхам, султан Токта. Сарай ал-Махруса, 710 г.х. $v=1,54$ г; $d=17,2$ мм. (ZENO / 10976). 10 – Серебряный дирхам, султан ал-азам ... (?) (видимо, анонимный). Сакчи ал-Махруса (?) $v=0,61$ г; $d=13-14$ мм. (ZENO / 52995).